

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ЭКЗО

ЭДУАРД КАТЛАС
ТОЧКА
ЗАКАТА

Экзо

Эдуард Катлас

Точка заката

«Автор»

2012

Катлас Э.

Точка заката / Э. Катлас — «Автор», 2012 — (Экзо)

ISBN 978-5-9922-1191-7

Мир обрушился не потому, что на Землю упал метеорит. Его погубила не глобальная эпидемия. Цивилизацию сгубили мелочи, сущие пустяки. Шквал пустяков вроде гриппа и тактических ядерных зарядов. Вроде ошибок ученых и медлительности властей. Вроде нежелания поверить в происходящее. Человек не верит в собственную смерть, хотя и знает о ней. Человечество не может осознать свою гибель, даже когда она прямо на экранах. В мире, который гибнет, тоже приходится жить. Переставая замечать все то, что творится вокруг, свыкаясь с мыслью, что все происходящее и есть норма. Молодым выжить проще. Они и не видели другого мира и другой жизни. Именно им придется построить все заново. Из того, что осталось.

ISBN 978-5-9922-1191-7

© Катлас Э., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Пролог	6
Часть первая. Призыв	7
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	27
Глава 5	36
Глава 6	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Эдуард Катлас

Точка Заката

Истинное настоящее – это неуловимое движение вперед прошлого, которое поглощает будущее. По сути, все ощущения – это уже память.
Анри Бергсон

Будущее проникает в нас еще до его наступления.
Райнер Мария Рильке

Пролог

Этот город разрушен. Этой страны больше нет. Этот мир – обречен.

Эти люди мертвы или на пути к смерти.

Власти, порядок, закон – все это осталось где-то там, когда-то раньше. Скрылось за перевалом, возникшим над временем.

Мир, покой, семьи и родные – отсечены от нас невидимой, но отчетливой чертой.

Мечты закончились точкой, не подразумевающей продолжений.

Мне сложно сказать, где именно она ткнула себя в наши желания, разом оборвав их. Наверное, если начинать размышлять, то точки, как таковой, и не было. Скорее – длинная пунктирная линия, перечеркивающая все. Каждый штришок – чья-то зачеркнутая жизнь, мысль, слово, воспоминание.

Но когда-нибудь в будущем все это время, все эти страдания, вся боль и смерти, мимо которых мы идем, покажутся кому-то лишь точкой в тексте времени. Точкой Заката, если хотите.

Рана в ноге подживает, но лучше все же вколоть еще одну ампулу, просто чтобы чуть отогнать грызущую боль. Чтобы я не сдурел от этой боли, не отправился в забытие. Нельзя закрывать глаза, потому что мой бой еще не закончен, хотя наша война – давно уже проиграна.

Последних людей я видел давно и только в оптическом прицеле, и, знаете, мне как-то не хочется приближаться к тем, кого я видел. К тому, что я видел.

С этой часовни удобно следить за окрестностями. А за ними надо следить. Не подпускать никого, вообще никого. Зараза везде, и нельзя давать ей проникнуть в мое убежище.

Надо писать. Я не историк, тем более не политик, которому нужны мемуары. Мне неинтересно класть на бумагу то, что было раньше, до той самой точки, в которой оказался этот мир. В английском есть два разных слова – одно для настоящего заката, другое – только для упадка. У нас – одно. Жаль. Не хочется обижать закат, тот, что на небе, не хочется обижать солнце. С удовольствием бы еще раз посмотрел, как оно заходит.

Может, если продержусь здесь еще немного, то хотя бы это желание исполнится. До заката недолго.

Я не хочу, но должен записать все.

Я обещал. Записать абсолютно все о нашем будущем. Должен рассказать, что нас ждет, и подготовить тех, кто выживет, остатки нашей убогой расы к тому, что предстоит.

Но раз за разом я возвращаюсь назад. Ко всему тому, что привело меня сюда, в эту точку этого города. В эту точку времени.

Точку Заката.

Часть первая. Призыв

Риз вспомнил, что любая радость находится под угрозой. Ибо он знал, чего не ведала эта ликующая толпа и о чем можно прочесть в книжках, — что микроб чумы никогда не умирает.

Альбер Камю. Чума

Глава 1

Я рос хилым ребенком, и это постоянно подстегивало меня. Мое слабое телосложение звало меня на баррикады, требовало подвигов.

Я всегда хотел доказать окружающим, что могу не хуже них. Не меньше них. Не медленней. Что тело — не самая важная деталь в гардеробе.

Мой невеликий рост смешил одноклассников, и я играл в баскетбол. И меня брали, в любую команду — потому что, возможно, я и был невысоким, но зато я попадал. Всегда. С любого места в трехочковой зоне. Поэтому мое участие в игре всегда заканчивалось одним и тем же — ко мне приставляли дылду с единственной задачей: не дать мне взять мяч, не дать мне его кинуть.

Уже большая победа для команды, когда на тебя отвлекается наглухо один или даже два игрока соперника. Хороший тактический ход. А ведь иногда я еще умудрялся все же сбежать от опеки и подкинуть мяч в корзину.

Для меня в то время все казалось сложным. Мир — враждебным, сверстники — злыми. Возможно, так оно и было. Все познается в сравнении.

Сейчас я вспоминаю те годы, словно лучшие в моей жизни.

Они и были лучшими.

Мир медленно катился в преисподнюю, но я этого не замечал. Потому что все было — как всегда. Новости пугали из сети и с экранов телевизоров. Улицы оставались ровно такими, как всегда: опасными, недружелюбными и страшными.

Почти ничто не менялось. А если и менялось — то только в худшую сторону. Но когда все постоянно катится по наклонной плоскости вниз, то в этом тоже есть некая стабильность? Ты всегда знаешь, что завтра будет хуже, чем сегодня, потому что сегодня хуже, чем было вчера.

Так чего же в этом неожиданного? Чего странного? Заурядные события, не более. Надо привыкать выживать, вот и все.

Никакого апокалипсиса, просто тихое сползание в пропасть. Никакого конца света — просто цепь событий в новостной ленте, на которую перестаешь обращать внимание, потому что они теряют новизну.

Когда школу закрыли на карантин, я лишь обрадовался. Когда карантин несколько раз продлили, я тоже не сильно расстроился. Образование полностью перевели в дистанционное, иногда можно было даже поговорить с учителем, хотя в основном приходилось лишь отправлять ему выполненные задания и получать новые. Слушать курсы. Читать заданную литературу.

Мама пыталась помогать мне в учебе, как могла, дома. Хотя по большинству предметов очень скоро это занятие ей пришлось бросить — она честно призналась, что школьная программа старших классов выше ее понимания.

Но всегда оставалась литература, классическая и современная, музыка, даже живопись. Мама пыталась, не умея сама, учить меня даже этому. По пособиям, так сказать.

Было смешно, и мы смеялись вдвоем.

Ну, а отец – за отцом оставались уроки труда. Вынести мусор, починить кран на кухне, поменять масло в машине.

Когда в пригородах центра соседней области какие-то борцы за чью-то свободу подорвали тактический ядерный заряд, я испугался. Триста тысяч погибших в одно мгновение – и нам пришлось неделю отсиживаться дома, потому что по всем каналам только и говорили о радиоактивном облаке.

Но для меня это тоже никак не являлось признаком конца света. Так – неприятность. Такое случалось и раньше. Просто на этот раз рвануло близко, ближе обычного, вот и все.

Меня даже не интересовало, кто, что и кому хотел доказать, отправив в одночасье в лучший мир столько людей.

А школа так и не открылась. Отец сказал, что власти просто боятся, потому что не успеют ее открыть, как на город налетает какая-нибудь новая эпидемия.

Помню, как мы первый раз посетили магазин «Наноздоровье». Отец хорошо зарабатывал и мог себе позволить неплохо содержать семью, но туда мы пошли только после взрыва тактики. Радиационный фон повысился, и отец сказал, что у нас просто не остается никаких других шансов.

– Нам только базовые прививки, пожалуйста, – твердо, как он считал, сказал отец в магазине.

Красивый магазин, один из немногих, в котором всегда были посетители. Хотя, согласно новому карантинному уставу, что выпустил мэр, их старались сразу разводить по разным кабинетам.

Мы и сидели в таком кабинете – мы и врач, или механик, или продавец. Тогда мне было без разницы.

– Нейтрализация действия радиации, – даже не спрашивая, а утверждая, кивнул продавец. – Конечно. Нам как раз подвезли расширенную партию новых бланков... извините, прививок. Вам бы я предложил на выбор три варианта: годовую... прививку, которая позволит продержаться, пока уровень радиации не придет в норму. Пожизненную прививку, чтобы вас вообще больше не тревожила радиация. Времена нынче нестабильные, лучше быть готовым ко всему. И третий вариант – прививка, в маркетинговых целях мы называли ее «радиационный маньяк», хотя мне лично это название нравится не очень. Она защитит вас от радиации даже на обочине ядерного взрыва. Что важно, у «маньяка» наноботы наследуются, правда, лишь по материнской линии.

– Нам первый вариант, – ответил отец. – Будем надеяться, что такого безобразия больше не повторится.

– Конечно, – кивнул продавец. Продавец от бога, я это видел даже тогда. – Вам – да. А вашему сыну? Тяжелые времена, и становится только хуже. Кто знает, что будет завтра?

Отец сдался, и я ушел из магазина со своим первым бланком, чистящим мою кровь, спинной мозг и прочие органы от накапливающейся дряни, с «маньяком». А заодно и с нановакциной от гриппа (отец поддался на тридцатипроцентную скидку для покупателей антирадиационной защиты) и, конечно, с бланком «иммунитет от «Наноздоровья» в качестве бесплатного подарка от магазина.

Бланком, что в обиходе все называли «кровяными пловцами».

«Бесплатный» подарок в итоге обошелся дороже всего, потому что отец, конечно же, не согласился взять базовую версию, заявив, что если уж его семье собираются что-то колоть, то все это должно являться самым лучшим.

Обычные гражданские бланки, которые, как я понял много позже, разом заставили меня пойти по одной дороге из двух возможных.

На пути домой мы проехали мимо магазина «Генная логика». Но я не спросил отца, почему, собственно, он выбрал именно «Наноздоровье». Мне было все равно, потому что я был слишком погружен в себя, чтобы размышлять о подобных пустяках.

Мне все равно и сейчас.

Потому что сейчас я знаю точно, что эти дороги одинаковы. Абсолютно. И все равно, какую из них выбрать.

Важно, как идти.

Глава 2

Незаметный, медлительный северный закат. Подползающий тихо и накрывающий весь мир.

Как бы ни был растянут по времени его приход, я точно знал дату, когда наступил апокалипсис. Пусть для всего мира, даже для нашего города, он растянулся на десятилетия, – но для меня он наступил в одночасье.

«Второй азиатский грипп». Наш город расплатился с ним каждым десятым – тридцать тысяч погибших в течение одного месяца. Город принес в жертву моих родителей.

И папу, и маму.

Мне повезло в одном – в то время еще было кому хоронить мертвых. Так что я спокоен – мои родители отпеты, как полагается.

Эту роскошь позднее смогут позволить себе очень немногие.

Я не люблю вспоминать их смерть и сейчас. А тогда – я просто предпочел все забыть. Это оказалось легко, тем более что сам я тоже немногим отличался от мертвых.

Я выжил, но грипп дал осложнения: хиловат оказался мой организм. Даже справившись с болезнью, он не справился с ее последствиями. Я почти перестал ходить – мог сделать лишь десяток шагов за день, с большим трудом, с болью, лишь для того, чтобы доказать себе, что я еще способен на эти шаги.

Кто-то приносил еду – тогда еще было кому ее приносить. Где-то мне удалось раздобыть коляску, на которой я, далеко не каждый день, выбирался из дома. Возможно, мир продолжал рушиться вокруг, но для меня, внутри меня – это разрушение уже завершилось.

Я уже жил в преисподней.

И, как ни странно, так было легче. Когда не надо ни на что надеяться. Не позволено ни на что рассчитывать. И точно знаешь, что нельзя мечтать.

Потом где-то в сети я вычитал, что у «Наноздоровья» есть специальный бланк, способный меня вылечить. Полностью восстанавливающий функции пораженных участков спинного мозга. Амбула-чудо.

Но только эта ампула оказалась из тех, на которые не существует цены. Что это означает? Что такие нанокультуры стоили настолько дорого, что их просто не было в обычных магазинах сети, они изготавливались и поставлялись только по спецзаказу.

До того момента я думал, что знаю цену роскоши. Многие из бланков, выставленных в витринах магазина, не были мне по карману. Я знал, что не смогу их себе позволить, даже если сумею продать квартиру, которую я все еще считал родительской. Я готов оказаться на улице. Но кому она теперь нужна, эта квартира? В городе, в котором недавно умерли сотни тысяч?

Многие из оставшихся, из тех, кто поумнее, пытались уехать, спрятаться в деревнях, в автономных поселках. Логика в этом была – до изолированного поселка новой заразе будет добраться сложнее.

И все это еще больше тянуло вниз цены на городскую недвижимость. Вообще на все. Город медленно мертвел, и если бы я не был так погружен в себя, подкошен одиночеством, то постарался бы тоже из него убраться.

Но кому и где нужен калека?

Так вот, даже продав все, что у меня было, квартиру, кое-какие вещи и драгоценности, обнулив счет в банке, доставшийся мне от отца, – даже тогда я мог бы позволить себе далеко не любой из бланков, представленных в витринах «Наноздоровья». Не все из того, на что была назначена цена.

А у той пробирки, что я хотел получить, цена отсутствовала вовсе. Эксклюзив. Изготавливается лишь по специальному заказу, только после того как покупатель внесет всю сумму, полностью.

Поэтому мне оставалось лишь мечтать об исцелении, о чудесном бланке, совершенной колонии наноботов, способных вернуть мне подвижность. Приятно думать, что твое уродство обратимо. Рассчитывать, что ты можешь вернуть все на свои места. Пусть даже в теории, пусть ты и знаешь, что у тебя нет почти никаких шансов набрать нужную сумму, но все же – это надежда.

Я знаю, мне есть с чем сравнивать. Потому что даже тогда мне приходилось помнить о существовании необратимых событий. О мертвых родителях, которых я уже никак не мог вернуть. Не было такого магазина, который мог бы предложить мне их воскрешение. Или возвращение назад, в то время, когда они еще были живы. Когда мама пыталась учить меня литературе и очень смущалась, потому что она сама не читала многого из программы. Поэтому она тайком, в родительской комнате, за полночь, тихо листала книги при свете ночника. Так, чтобы на следующий день суметь на равных обсуждать со мной достоинства и недостатки тех авторов, которых я должен был знать.

Она думала, что я не знаю об ее ночных факультативах. Я знал. Я помнил.

Тот разваливающийся мир, в котором мы жили, до сих пор вспоминается мне как рай.

Большого счастья, чем вспоминать его, у меня нет.

* * *

Для того чтобы узнать, насколько недостижима моя маленькая дурацкая мечта, я поехал в магазин «Наноздоровье». Вызвал специальное такси – такое, в которое могла бы поместиться моя коляска, хотя бы в сложенном состоянии. С этим проблем не было – город остался переполненным калеками и инвалидами, так что услуги специальных машин пользовались популярностью. Город продолжал жить, и люди продолжали зарабатывать деньги. Кто на что. Я вот лично – собирался заработать на возможность вновь нормально ходить.

Пока я ехал, равнодушно рассматривая полупустые улицы, все время думал – зачем оно мне, это здоровье? Зачем я хочу ходить? Куда я смогу пойти, даже если смогу? От кого убежать? Не от себя же – для этого не помогут здоровые ноги.

Скорее, это просто было желание доказать самому себе, что я все еще живой. Что жизнь продолжается. Год, проведенный в коляске, измотал меня так, что даже горечь потери родителей начала отходить на второй план.

Я слишком молод, чтобы оказаться скованным инвалидным креслом. Слишком жизнерадостен, чтобы быть готовым сдаться.

В магазине меня ждал сюрприз. Ко мне подошел именно тот продавец, что обслуживал нашу семью в первый раз.

– Я вас помню, – улыбнулся он, словно не замечая моего кресла. – Я знаю, что буду бестактен... но вы в этот раз один? Надеюсь, с вашими родителями все хорошо?

Я лишь покачал головой.

Наверное, мне следовало расплакаться на плече у чужого человека, неожиданно столь хорошо меня запомнившего. Настолько, что он узнал меня после долгого срока, вспомнил даже, с кем я был здесь в прошлый раз.

Но я не стал.

Это был продавец от бога, я же говорил. Именно такой, которого мечтает заполучить любой магазин. Тот, кто искренне, не только ради денег, любит своих покупателей, мечтает им помочь с помощью тех товаров, что он может предложить. Помнит своих клиентов.

Или камера на входе, совмещенная с системой распознавания образов, успела напомнить ему о нашем предыдущем визите.

– Нет, – ответил я, только чтобы разогнать молчание. Продавец не пытался изобразить горе, он лишь молчал. Осмысливал. Надеюсь, что не для того, чтобы продать мне больше. – Они не пережили «паназиатского». А я вот – видите, пережил, но с потерями.

Я слегка качнулся на кресле, демонстрируя свои новые возможности. Или их отсутствие, тут уж с какой стороны смотреть.

– Собственно, ради этого я и у вас. Меня интересует «Ходок».

– Конечно, – слегка кивнул продавец. – Не встречал этого названия, если честно, но для вас я проверю. Корпорация выпускает сейчас столько модификаций, что сложно за всем уследить. Хотя, как видите, все же недостаточно много. После той эпидемии у нас есть новый препарат. Делает полностью иммунным к большинству штаммов гриппа паназиатской ветви. Мне жаль, что его не было у нас вовремя.

Я кивнул. Конечно, ему было жаль. Мне тоже было жаль. Если бы эти боты существовали тогда, то он бы с удовольствием нам их продал и заработал бы денег. А мы бы их с огромным удовольствием купили. А сейчас – все мы только жалеем.

– «Ходок» – это сленговое название нанокультуры SCR-01-Ультра. Аббревиатура SCR – это spinal cord resurrection, громкое название, у нас обычно таких не любят, означает «воскрешение спинного мозга». Действительно существует, находится в экспериментальной фазе. Это означает, что на рынке ее даже не предлагают. Обычно – из-за высокой цены или ограниченного спроса. Еще чаще – из-за того и другого одновременно.

– Я хочу знать цену! – Мне пришлось наклонить голову, опустить глаза и смотреть в пол, чтобы сдержать волнение. Число, которое этот мужчина произнесет сейчас, может свергнуть меня как в пучины ада, так и поднять на вершины пусть и не рая, но хотя бы надежды. Это где-то там же, в предгорьях.

– На такие товары не существует цен, – качнул он головой. – Могу лишь предположить диапазон.

Он назвал числа. Нижнюю границу, верхнюю границу. Уже от нижней веяло той самой холодной пучиной ада, кромешного, беспросветного. Верхняя граница... на нее, наверное, пришлось бы копить всем городом.

Но мне достаточно было и нижней – мне бы пришлось продать не только квартиру, но и весь наш двухсотквартирный дом, и еще пару таких же по соседству, чтобы набрать необходимую сумму. Со всем этим была лишь одна небольшая проблема – ни наш дом, ни соседние мне не принадлежали.

Я кивнул. Качнул головой, показывая, что услышал. Шевельнул колесами, думая, будет ли достаточно вежливо, если я просто выкачусь из магазина, не попрощавшись. Говорить я не мог – горло сдавило, меня душили те самые слезы отчаяния, которые всегда почему-то оказываются в горле, именно там, а не как им полагается – на глазах.

– Подождите минуточку, – остановил меня продавец. – Я полагаю, что вряд ли у вас есть необходимая сумма. В этом городе людей, у которых есть подобные деньги, очень немного, и всех их я знаю в лицо. Требование моей специальности, знаете ли.

– И что? – равнодушно спросил я. Спазм наконец-то прошел, и я вновь мог говорить. Отчаяние постепенно замещалось равнодушием. Это было более привычно, по крайней мере. Равнодушие мне нравилось. Оно не заставляло страдать.

– Но вы также должны понимать, что «Наноздоровье» – огромная корпорация. Сложная, запутанная и очень причудливо устроенная. Есть всевозможные лазейки, которые позволяют простым клеркам получать услуги, которые иногда недоступны даже миллионерам. Вы понимаете меня?

Я подумал было, что он намекает на взятку. И если названные им числа хотя бы уместились в моем воображении, я бы обязательно обрадовался. Но я не верил, что в его силах настолько изменить стоимость, чтобы даже слегка приблизить ее к моим возможностям. Как текущим, так и мнимым.

Увидев выражение моего лица, он усмехнулся. Даже усмехался он миролюбиво, словно показывал, что любит тебя всем сердцем. И ни в коем случае не насмехается. Просто – хочет повеселиться.

– Нет, я не про взятки. – Похоже, все было на моем лице. – Я про корпоративные лазейки. Мне не хочется, чтобы сын такого гордого отца просто сдался. Я хочу увидеть вас на ногах, чтобы вы бегали, или ходили, или прыгали. Но не сидели в кресле. Только не это, нет. Так вот, у нас там есть одна программа, мало кому известная, по помощи сотрудникам компании. Многие критичные бланки, за которые толстосумы выплачивают миллионы, нам могут доставаться бесплатно. Не всегда, тут все сложно, надо попасть под определенную акцию, оплачивать корпоративную страховку, но все же.

– Но я не сотрудник компании, – ответил я. – Вы же не можете меня зачислить к себе задним числом? Или... можете? К тому же, может, вам и достаются бесплатные пирожки в буфете головного офиса, но вы сами назвали числа. Они безумны. Таких чудес не бывает.

– Нет. И да, – улыбнулся продавец. – Нет – я не могу зачислить вас задним числом, но это и не требуется. Да – такие чудеса бывают, если знать, как складывается цена. Что есть бланк? И там боты, и здесь боты. Разные, конечно, и по сложности разные, и по качеству. Страна-изготовитель тоже играет немалую роль. Но – ни в одном из них не спрятан золотовалютный резерв. Я к тому, что подобный разброс цен – это всего лишь маркетинг. Что-то мы должны продавать дешево, и мы продаем, несмотря на убытки. Что-то – выше реальной стоимости в сотни раз. И это покупают за эти деньги. Но когда ты внутри корпорации – подобные вещи исчезают. Цена остается лишь условностью внутри корпорации. Ее даже не видят, когда вкалывают вам дот. В крайнем случае – спишут в брак. Или на эксперимент с добровольцем. Надо лишь знать, кому позвонить.

– И компания возьмет к себе калеку, зная, что он калека? И после этого еще и вылежит его, бесплатно?

– Бесплатный сыр бывает только в мышеловке, – продавец качнул головой. – Конечно, все не так просто. Например, если вы решите уволиться, то в течение трех лет после использования любого препарата компании вам имеют право предъявить его цену к оплате.

– Рабство? – усмехнулся я. – Неплохо. Я согласен.

– Да, я сделаю пару звонков. У меня, вы понимаете, есть знакомые. Там, сям. В кадрах.

– Что я вам должен? – спросил я, все еще думая, где же подвох.

– Я же сказал, дело не в этом, – сердито, нарочито сердито покачал он головой. – Давайте так. Вы мне должны – прийти ко мне как-нибудь в гости. На своих двоих. Порадуйте меня. Если я буду знать, что помог еще хоть кому-то в это тяжелое время, я буду очень рад, поверьте.

Я приходил к нему потом. Один раз, много позже. Лишь для того, чтобы узнать, что он тоже мертв. Чума-74.

* * *

Кадровичке перевалило за сорок, но выглядела она явно не на свои годы. Похоже, что реклама косметической линии от «Наноздоровья» не целиком состояла из зазывающей брехни.

– Юрий? – спросила она, посмотрев на мою коляску. Все смотрят на мою коляску. Мне это даже нравится. Пока люди еще смотрят на коляску – значит, такие вещи не стали окон-

чательно обыденностью, нормой, на которую просто не обращают внимания. Тоже небольшой элемент надежды, крохотная ее составляющая.

Я кивнул. Поздоровался.

– Посмотрим, что смогу вам предложить. – Она уткнулась в монитор, задавая запрос. – Если хотите, то можете пересесть на стул. Глупо, понимаю. Просто я всегда предлагаю кандидатам присесть, это уже привычка, доведенная до автоматизма. И теперь я даже сосредоточиться не могу: мне все кажется, что я чего-то не сделала, бросила работу на полпути.

– Считайте, что предложили, – усмехнулся я. – Но, пожалуй, я посижу на своем.

– Конечно. Смотрите, что можно сделать. Мы берем вас во вспомогательный персонал, что означает, что в офисе вы даже не будете светиться. Допустим, сейчас есть вакансии кладовщиков на наших складах. Сложная работа, честно признаться, постоянные проверки, ревизии, аудиты остатков. Сами понимаете, в наших распределительных складах столько добра, что есть за чем следить. Бандиты, говорят, начали вокруг них ошиваться, все пробуют как-то получить доступ к нашим товарам. Две вооруженные стычки за последний год. Хорошо еще, что служба безопасности у нас тоже не самая слабая. Зато – для этой должности не нужно высшего образования. И она как раз то, что нам сейчас надо, – в сторонке от всех, но при этом вы становитесь абсолютно равноправным сотрудником компании.

– А после? Как с ногами?

– А очень просто. Сейчас пойдете на медосмотр. Еще, из-за того что должность связана с материальной ответственностью, поговорите с ребятами из СБ. На кладовщика не распространяются никакие из требований по физической форме, так что ваша... травма не является препятствием. Врач, к которому вы пойдете на медосмотр, напишет все правильно, я ему позвоню. Что-нибудь вроде «ограниченная двигательная активность, не препятствующая исполнению непосредственных служебных обязанностей». В СБ ребята тоже нормальные, вы с ними, главное, не спорьте, и все будет хорошо.

Я все еще искал подвох. Ждал, когда мне подsunут пергамент с договором, на котором я должен буду расписаться кровью. Хотят поставить своего человека на склад, чтобы прикрывал воровство? Я согласен. Хотят получить дармовую рабочую силу, всего лишь за один укол? Я согласен. Хотят заполучить мою квартиру в обмен на одну ампулу? Я согласен тоже, лишь бы эта ампула помогла.

Истолковав мое молчание по-своему, кадровичка предложила:

– Ну, я могу посмотреть еще. Может, будет что-нибудь в экспедиции грузов. Или, если вы хорошо программируете, в отделе вспомогательных разработок... У нас есть центры исследований почти в каждом городе. Территориально-распределенная программа развития, вы же знаете. Именно в нашем центре разработали наноусилители для широчайших мышц, недорогие и надежные. Пользуются определенной популярностью среди тех, для кого сила мышц по-прежнему важна.

Я мотнул головой:

– Нет-нет, мне подходит и кладовщик. Если возьмете, конечно. А скажите, когда можно будет просить о лечении? Сами понимаете, иначе ради чего все это...

Я ждал ответа вроде: «Поработаешь годик-другой, поймешь, что к чему, тогда и...»

– Да-да. Через три месяца, сразу, как только вам закроют испытательный срок. Я за этим прослежу. Через три месяца свяжусь с вами и с нашими медиками. Вы с ними познакомитесь на обследовании. Хорошие ребята, только мнят о себе чересчур.

Уже выкатывая свою коляску из кабинета, я спросил, просто на всякий случай. Просто для того, чтобы потом меня ждало меньше сюрпризов:

– Скажите, как я смогу с вами расплатиться за вашу помощь?

Женщина добродушно махнула рукой.

– Да что вы! Это, считайте, моя ежедневная работа. Заходите как-нибудь потом, на своих двоих, просто расскажите, как у вас все сложилось. Мне уже радость. Немногие приходят.

Мне пришлось увидеть ее труп. Много позже. Бандитская перестрелка на улице, случайная пуля, случайный прохожий, один из многих. Узнал я ее тоже лишь случайно – лишь потому, что на ее лице и тогда продолжала оставаться миловидная улыбка, что очень шла ей при жизни.

* * *

Медики оказались первыми, кто взял меня в настоящий оборот. Я знал от отца, что нынче устроиться на нормальную работу без серьезной медицинской проверки невозможно. Да что там на нормальную – на любую. Если ты идешь работать в корпорацию, то будь готов подписать отказ от всех тайн своего тела. Тебя возьмут, только если будут знать, что именно написано в твоей медицинской карте.

А уж на такую ответственную и важную должность, как кладовщик, проверять будут особенно тщательно. Это ж почти так же круто, как вице-президент филиала. И платят, небось, даже побольше, чем любому из высоколобых.

Нет, правда, проверяли меня так, что я понемногу начал сомневаться, не записали ли меня по ошибке в космонавты.

И все смотрели на мою коляску. Все. Удивлялись, но молча. Врач, который возил меня по кабинетам, гасил все вопросы в зародыше. А дальше все становилось просто – окулист проверял глаза и честно писал, что со зрением у меня все в порядке. Кардиолог – сердечнососудистую систему, и как бы он ни пялился, желая задать вопрос по поводу инвалидности, но – с сердцем у меня тоже все было в порядке. И так далее.

Парень, таскавший меня на протяжении всего осмотра, собрал все воедино лишь вечером. Формально он считался прикрепленным за мной терапевтом, обязанным дать общее заключение, и он его дал.

«Временно рекомендуется ограничение двигательной активности ввиду необходимости завершения лечения. К означенной работе годен без ограничений».

И не соврал ведь, зараза. Действительно, бегать мне сейчас рекомендовать точно не стоило. И лечиться мне было надо. И, при хорошем раскладе, это лечение я скоро смогу завершить. Месяца этак через три.

– Модель кровяных пловцов у тебя слегка устарела, – сказал он на прощание. – Я занес к себе в календарь, обновлю все вместе, к тому моменту я закажу «Ходока». Проведу как внутреннее тестирование экспериментального и перспективного образца. Это у нас любят. Тебе еще и премию выпишут за помощь компании. Они не выпускают такие образцы в сеть, чтобы не сбрасывать на них цены, но у этого есть и обратная сторона. Для этого им приходится держать их в каталоге экспериментальных. И сразу появляется поле для маневра.

Я поблагодарил медика и не стал его спрашивать, что я ему должен. Тогда мне казалось, что как только меня поднимут на ноги, я придумаю, как расплатиться с каждым из них.

Удивительно, но именно им я не помог. Ни одному. Даже не был на их могилах. Я не знаю точно судьбы этого парня-медика. Не знаю, работал ли он тогда, когда на медицинский центр «Наноздоровья» напала группа фанатиков из «Чистых». Перебили всех, потом подорвали здание. Обычной бомбой подорвали, по нынешним временам они – практически пацифисты.

Может, медик и выжил, если это произошло не в его смену. Я даже не стал уточнять в списке погибших, чтобы тешить себя этой надеждой.

Три человека, которые сумели вернуть меня на дорогу, сделать так, чтобы я шел по ней, а не полз в коляске. Мертвы, все или почти все.

Наступали времена, когда такими историями никого не удивишь.

Вообще-то этих людей было четверо. Не следовало забывать о безопаснике, с которым я встретился в самом конце. Но из-за того, что как раз с ним судьба свела меня более плотно, в этом списке он стоит особняком.

Глава 3

Конечно же, мне заявили, что разговор с безопасностью – пустая формальность. Раз уж кадры и медики дали добро, то для должности кладовщика этого вполне достаточно. Так, посмотрят на меня и поставят галочку в документах – и можно приступать к работе.

Он смотрел на меня так внимательно и доброжелательно, что в какой-то момент я начал мечтать о том, чтобы рассказать ему все. Всю правду: о своем уголовном прошлом, маниакальных наклонностях, сотрудничестве с конкурирующими спецслужбами и, конечно же, о том, что буквально на днях я как раз скрепил кровью договор с одним из младших клерков-чертей.

– Когда вы планировали начать работу? – задал он вопрос, для меня неожиданный. Я как-то ожидал чего-то вроде «не привлекались, не участвовали?».

– Как только разрешат, – ответил я.

– Так хотите работать? – спросил он. – Или деньги нужны?

От денег я действительно уже не отказался бы: отцовский счет постепенно таял. Но, очевидно, у меня существовали более веские причины поторапливаться.

Видимо, я выдал себя взглядом на свои ноги, потому что он не стал ждать ответа:

– Из кадров мне звонили, да. Знали, что вы пойдете через меня. Петр Семенович, кстати. Мне почему-то кажется, что мы с вами еще встретимся. В хорошем смысле. Не подумайте, что я говорю как особист, запугивающий всех и каждого. Хотел бы расставить точки на «и», Юрий.

Петр Семенович аккуратно, не останавливая речи, налил из графина полстакана воды и осторожно полил росток какого-то комнатного растения, посаженный в пластиковый стаканчик. Всего три маленьких листика. Растение посадили недавно, и с учетом того, что в комнате не было больше ни одного цветка, эсбешник явно пробовал себя в новом качестве.

– Эта маленькая афера как раз то, на что я могу закрыть глаза. Хороший парень, почему не помочь? Может, я тем самым помогу и компании, которая получит еще одного преданного сотрудника. Но учти, и лучше тебе запомнить это сразу, мы здесь не любим махинаций. С товаром, с данными, с деньгами. Будь честен, работай хорошо, встань обратно на ноги, и тебя ждет светлое будущее в нашей компании. Начнешь мухлевать – и я очень быстро за тобой приду.

Я не удержался:

– А вы... Петр Семенович, а вы разве не штатный психолог?

Он кивнул:

– Да, и что? Я психолог в службе безопасности, не забывай. Так что я умею и стрелять, и ловить. Если у тебя возникнут какие-то проблемы, кто-то попытается к тебе пристать, кто-то попробует тебя запугать – иди сразу ко мне. Теперь ты в компании. Я не стану называть ее семьей, потому что слишком большая получится семейка, но одно остается фактом: теперь твои проблемы становятся и моими. Лучше будет, если этих проблем просто не возникнет. А если они все же появятся, лучше будет, если я решу их сразу. Добро пожаловать, Юрий.

Эсбешник встал и протянул руку для рукопожатия. Тем самым давая понять, что наш разговор закончен.

Так я начал свою работу в «Наноздоровье» – одной из двух крупнейших компаний мира.

* * *

Работа современного кладовщика такая же странная, как и работа современного склада. Склад мне нравился – пусть небольшой ввиду компактности продукции – всего три тысячи квадратов, – но если где-то на Земле и существовала пещера Али-бабы, то она была передо мной.

Полная автоматизация подразумевала, что у меня отсутствовала необходимость ездить вдоль стеллажей на погрузчике, сгружать, разгружать, пересчитывать, менять паллеты местами. Большую часть времени я вновь сидел за компьютером, лишь следя за тем, что с какой точки склада изымают механические руки. Здесь мы их называли мехманами, сокращая официальное название «механический манипулятор складской NH Special». Судя по всему, эти мехманы являлись стандартом для всей корпорации, раз у них даже в названии присутствовало «Nano Health»¹.

Мехманы таскали коробки с продукцией вверх-вниз, на высоту всех пяти уровней, а продольные рельсы на потолке позволяли им скользить вдоль стеллажей, добираясь до любой нужной ячейки. Внизу по узким проходам непрерывно крутились грузовые тележки, привозя новые порции ультрасовременных нанокolonий индивидуального пользования, увозя те, что затребовали магазины. Тележки тоже имели небольшую механическую руку и теоретически могли «самостоятельно» изъять коробку-другую с нижнего уровня. Но пользовались они этой возможностью крайне редко.

Вся эта техника завязывалась воедино в систему компьютерного контроля, обсчитывающую все, знающую, где и что находится, понимающую не только куда именно подъехать тележке, чтобы забрать нужную коробку, но и какой маршрут она должна проложить по складу, чтобы минимизировать затраты времени, усилий, энергии.

И, конечно же, все это время от времени сбоило. Это выглядело забавно. Мехман уверенно подтягивался к нужной ячейке, готовясь зацепить очередную коробку с порцией бланков, и неожиданно замирал. Считывание метки на коробке не подтверждало наличия в ней нужных бланков. Самая длинная складская операция – пока мехман посылал информацию в программу, пока она ее обрабатывала и принимала решение, где тогда, собственно, раздобыть нужные бланки вместо «утерянных».

Чаще всего утерянные бланки обнаруживались в другом конце склада. Или оказывалось, что ошибка присутствовала еще при изначальной доставке. Всего этого можно избежать, конечно, и склад, я думаю, вполне мог работать без ошибок вообще. Но такой подход требовал снижения скорости обработки грузов. Так что программа всегда предпочитала действовать где-то в районе золотой середины, не позволяя, с одной стороны, ошибкам накапливаться, но и не замедляя слишком сильно работу склада ради его совершенства.

Вот так выглядело мое первое поле боя.

* * *

То, что теперь я работаю на очень ответственной должности, мне пришлось почувствовать сразу. Прошло лишь два рабочих дня, как ко мне пришли.

Сначала я подумал было, что это проверка самой корпорации. Но если это и так, то либо в ней участвовали великолепные актеры, либо для проверки наняли настоящих громил, а не подставных персонажей.

Я возвращался домой. Во всем доме горел свет, и я рискнул воспользоваться лифтом. Конечно, подобные эксперименты опасны – один раз, пару месяцев назад, я так и просидел в этом лифте несколько часов, пока вновь не подключили электричество и меня из него не вызволили. С другой стороны, потратить почти час, чтобы подняться на свой этаж по лестнице, абсолютно не приспособленной для колясок, тоже казалось занятием не из самых приятных.

На этаже меня ждали трое.

¹ «Наноздоровье» (англ.)

Они заметили меня сразу, но даже не пошевелились, когда я въехал на площадку. Лишь молча смотрели, как я разворачиваюсь, а потом, как осознаю, что, возможно, что-то не так. Возможно, этот вечер пройдет не совсем по тому расписанию, которое для него планировалось.

Лишь через большую паузу один из них, тот, что прислонился к косяку моей двери, оттолкнулся от него и неторопливо отошел в сторону.

– Ну чего, открывай, – сказал он. – Зайдем к тебе, поговорить бы надо.

Я не двинулся. Понятно было, что вызвать лифт, который, возможно, еще не уехал, и заскочить в него обратно я не успею. Никак – не на коляске. Не смогу и прорваться на лестницу. Не смогу открыть дверь и каким-то образом умудриться запереться изнутри, оставив гостей снаружи.

А раз так, то лучше бы нам поговорить здесь. Как-то не хотелось мне уединяться с ними в квартире, там, где у меня не останется даже малейшего шанса на появление случайного свидетеля-спасителя. Или же свидетеля, который быстро превратится во вторую жертву.

Видя мою медлительность, от стены отделился второй.

Я чуть катнул коляску назад, неосознанно, отнюдь не рассматривая всерьез возможность физического сопротивления, лишь рефлекторно пытаюсь избежать столкновения с угрозой.

– Нелюбезный, – неожиданно влез третий. В отличие от остальных, так и не шевельнувшийся на своем месте на подоконнике коридорного окна. – И молчаливый. Плохо, что нелюбезный. Может, хорошо, что молчаливый.

– Ключи давай, – сказал второй. – Помогу тебе, калека, добраться до койки. Или до гроба, как уж захочешь.

– Это он правильно сказал, – подтвердил третий. – С этим у нас просто. Не надо ключей.

Третий неожиданно поднял руку, останавливая своего «коллегу»:

– Не надо. У нас к тебе очень короткое сообщение. Можно и здесь, дольше в квартиру заходить. Слушай сюда. Мы знаем все. Где ты работаешь, кем работаешь, где живешь, когда приходишь домой, когда уходишь. В принципе, мы знаем даже, когда ты умрешь. Неверно – лучше скажу так...

Третий спрыгнул с подоконника. Самый крупный из всей компании. Два метра минимум, сто двадцать кило опять же – минимум. Но спрыгнул он так тихо и грациозно, что не оставалось никаких сомнений, что в этих килограммах нет ничего лишнего.

– Скажу тебе так: мы быстро назначим дату и даже причину твоей смерти, если у тебя возникнут какие-то нездоровые мысли. Теперь слушай сюда еще ближе. Через пару дней мы зайдем. Подготовишь планы склада, подходы, где что лежит. Какая охрана, когда меняется, сколько человек. Какое оружие, где, в каком режиме. Все подготовишь. Как сделаешь – мы хорошо заплатим. Так хорошо, что даже в этом кресле тебе будет жить комфортно. И бухло, и девочки – на все деньги будут. У тебя только ноги отнялись? Остальное-то как, способно еще на что?

Оказывается, вопрос не являлся риторическим. Ему действительно было страшно интересно, не повлияла ли моя болезнь на потенцию. Он ждал ответа. Пауза затягивалась. Я же, лишь поддерживая уже выбранную тактику полного молчания, продолжал смотреть на него и тоже ждать.

– А не сделаешь, как сказали, или решишь стукануть, или еще чего выдумашь смешного – мы тебя грохнем. Только сначала я лично проверю, что там с твоими причиндалами. И оторву их до того, как ты сдохнешь. Понятно?

Он наклонился и посмотрел прямо на меня, близко-близко. Красивые у него были глаза, такие серо-стальные. Женщины от таких глаз должны просто млеть.

Видя, что я не отвечаю, он тряхнул коляску, словно пытаюсь меня разбудить.

Я кивнул, давая знак, что все слышу. Разговаривать очень сильно не хотелось. Девочки, это ж надо. Комфортная жизнь в коляске, как же. Если бы знали, какое предложение поступило от другой стороны, то поняли бы, что я им отвечу.

Но, похоже, вот как раз этого они и не знали. И наивно полагали, что их деньги для меня хоть что-то значат.

– Хорошо, – удовлетворенно заметил Третий и отодвинулся от меня – так, будто ему было неприятно находиться в такой близости с калекой. – Ты думай, быстро. Готовься. Через пару дней чтобы все собрал, записал. У нас времени нет, чтобы тебя ждать.

Они ушли по лестнице. В отличие от меня, эти парни явно не любили полагаться на волю судьбы. И веерных отключений электричества.

Включать телевизор не хотелось, потому что ничего хорошего говорить там не могли. Время вечерних новостей. А хороших давно никто не ждал. Но нужно было как-то отвлечься, просто для того чтобы перевести дух. Так что я все же его включил и выбрал канал новостей международных. Когда новости плохие везде – лучше узнавать о бедах, произошедших где-то далеко. Можно хотя бы попытаться абстрагироваться, сделать вид, что к тебе это никак не относится.

– ...На лазурном побережье Франции зафиксировано удивительное явление. Град – это вообще большая редкость для французов. Однако к ней они уже начали привыкать. Но на этот раз осадки выпали в виде града в форме оплавленных кристаллов льда значительно крупнее обычного. Град не просто обрушился на прибрежные города и курорты, но и продолжал падать несколько часов подряд. Это вызвало как минимум один крупный пожар, когда взорвалась газозаправочная станция в центре города. Жертвами стихии стали более тридцати человек.

Я потянулся к пульту, чтобы выключить телевизор. Как раз в этот момент лицо диктора сменилось видеорядом с места событий. Град действительно был крупный, падающие и бьющие стекла машин ледышки видно было даже в записи. Пожар, видимо, от той самой заправки, полыхал где-то впереди, за домами. Видно было лишь сполохи пламени и черный клубящийся дым.

Камера сменила фокусировку. На ближнем плане стояли машины «скорой помощи», кто-то бежал с носилками, кто-то грузил людей внутрь. Одни носилки остались брошенными прямо на асфальте. Человек, лежащий на них, видимо, был уже мертв – его закрыли одеялом с головой.

Струи воды, текущие вдоль дороги, вымывали из-под носилок кровь, и она текла тонкими струйками по асфальту, быстро бледнея и прячась в воде, падающей с неба.

Но оператор приблизил вид, и кровь опять стала заметна отчетливо. Кровь, текущая по дороге, смешивалась с градом, бьющим все вокруг, – град пытался достучаться до мертвого тела, укрытого одеялом, лупил по живым, и видно было, как санитары периодически вздрагивают от особо сильных ударов.

Град падал на асфальт и смешивался с кровью, так же, как и огонь, на фоне которого все это происходило.

Эта картинка долго не уходила из моих глаз. Наверное, надо было не выключать телевизор, чтобы заместить ее чем-то другим. Хотя замещение вполне могло оказаться еще хуже.

* * *

Конечно, я подумал.
И начал готовиться.

Прежде всего в одной из подворотен я купил простенький восемнадцатизарядный «викинг»² и даже успел отполировать пару движущихся деталей, которые, по моему мнению, этого требовали.

Хотя нет – еще раньше я собрал вещи, все, что смог. Все, что стоило собирать, а таких было совсем мало, и утром следующего дня – не моя смена – вывез их на вокзал, положив в ячейку камеры хранения. Совсем немного вещей. Память о родителях. Фотографии, пару флешек с детскими видео, где родители снимали и себя вместе со мной. Две любимые книги матери. Ноутбук отца, старый, но он с ним не расставался до самой смерти.

Там же, в привокзальной подворотне, я и разжился оружием.

В свою квартиру я больше не возвращался.

Сначала я доехал до офиса корпорации, позвонил по внутреннему Петру Семеновичу и попросился на разговор. Рассказал ему все, что произошло прошлым вечером.

Петр Семенович задумался.

– Как ты понимаешь, охрану к каждому мы не приставим, – начал он чуть погодя, – так что ты уж как-то вывернись. Переберись куда-нибудь в другое место, можем предложить какое-нибудь жилье из служебного, с этим без проблем. Ношение оружия формально запрещено, так что я тебе выдавать его не буду, и рекомендовать его приобретать... тоже не буду. Но выразусь так: в подобной ситуации оно бы тебе не помешало.

Я молчал. Оружие лежало в сумке у охраны на входе. Но раз он мне его не может рекомендовать, то я не могу ему сказать, что оно у меня уже есть. Также я не стал говорить, что квартиру-однушку, зато близко от склада, можно было добраться пешком, я себе тоже уже нашел. Кто знает, может, утечка шла именно от него? Может, именно кто-то из безопасности выдал наружу информацию о новом сотруднике склада, которого можно быстро тряхнуть.

Похоже, он думал в том же направлении.

– Тех, кого ты описал, мы поищем. Может, даже быстренько и найдем. Но проблема не в этом. Это – так, шавок прислали. Этих найдем – других пришлют. Очень многие хотели бы добраться до наших запасов. К сожалению, все они наши клиенты. Хотя и к счастью тоже. Будем шерстить базу, думать, у кого хватит силенок организовать нечто подобное.

– А что случилось с предыдущим кладовщиком? Если не секрет? Я же пришел на чье-то место...

Петр Семенович махнул рукой:

– Не волнуйся, не убили. Жив-здоров, просто пошел на повышение. Сейчас продавцом в магазине в самом центре. Представляешь – не просто следил за складом, оказывается, а сидел, читал инструкции к товару, учил, готовился. На внутренние курсы наши ходил. Молодчина парень. Такие нужны корпорации. И, как видишь, его мечта сбылась. Стал продавцом. Говорят, даже неплохим. Я почему знаю – читал о нем перед тем, как с тобой общаться.

Я вежливо кивнул. На данный момент моя мечта была несколько иной. Возможно, менее амбициозной, но как-то грела она меня значительно больше, чем чужая.

– Ладно. С этим я разберусь. Не волнуйся. Самое главное, за что спасибо отдельное, так это то, что мы быстро выйдем на крота. Кто-то слил информацию, а это плохо. Не громилы – громилы всегда есть. А вот предатель внутри – его мы сейчас найдем. Не так много людей имеет доступ к информации о сотрудниках.

Да, точно, думали мы явно об одном и том же. Мне бы еще его уверенность – и совсем хорошо.

– Не слабовата ли охрана склада, если на него зарятся настолько серьезные люди? – спросил я напоследок.

² Облегченный, или спортивный, вариант пистолета Ярыгина ПЯ «Грач».

Хозяин кабинета молча посмотрел на меня, давая понять, что я задал вопрос неуместный, по меньшей мере. И протянул мне руку, прощаясь.

* * *

После переезда все затихло. Моего нового адреса не знал никто. Возможно, помогло это, а может, безопасники действительно сумели сделать свою работу. Я надеялся на второе, но полагался на первое. А тем временем я работал, день за днем.

В смене насчитывалось лишь четверо. Я, механик, два охранника. Все. На весь склад, может, не такой и большой по территории, но уж точно недалеко ушедший по ценности от сейфа со слитками драгметаллов какого-нибудь крупного банка.

Мы заступали в сутки, принимали смену в течение пятнадцати минут. Никаких пересчетов по каждой паллете, по ящику. Никаких инвентаризаций при сдаче смены. Наверное, потому что это было нереально.

Сдача смены заключалась лишь в дактилоскопии ладоней меня и сменщика. И десяти-минутном отчете программы обо всех недочетах, выявленных на текущий момент.

Механик занимался только техникой и к товару не лез вообще. Охранники, соответственно, охраняли. С учетом того, что склад разместили буквально в открытом поле, отнеся внешний периметр ограждения на сотню метров от здания, охрана здесь не казалась такой уж тяжелой задачей.

Автоматические пулеметные турели по углам, как в старом анекдоте про консерваторию, эту задачу только облегчали. Современный вариант строфы «Железо и медь – запоры твои»³.

По нынешним временам – не такое уж и излишество. «Мой дом – моя крепость», – эта поговорка опять входила в моду. А также в законы – как писанные, так и уличные.

Вся территория склада, включая периметр, считалась частной собственностью. Любой появившийся на ней без приглашения мог быть убит. И компании за это ничего бы не было. Это я знал точно.

Думаю, что компании подобного масштаба ничего бы не было в любом случае. Но когда-нибудь в прошлом она хотя бы попыталась огородиться от возможных нападений. Заблокировать подступы. Концентрировать и ценности, и охрану в более крупных центрах, чтобы обеспечить превентивное задержание злоумышленников.

Но это могло оказаться не очень с точки зрения логистики поставок. Нашего склада вполне хватало на огромный город и область. Сейчас все больше входило в моду слово «сектор». Он не совсем совпадал со старыми границами области, потому что в ряде мест эти границы сместились к географически значимым разделителям: рекам, горам, где-то даже к оврагам.

Так вот, наш склад был фактически всего лишь перевалочной базой между лабораториями, заводами – и магазинами сектора. Обратная сторона медали такого подхода – любой, оказавшийся, пусть даже случайно, в пределах периметра, мог сделаться мертвым. Сразу и без предупреждения. Конечно, сложно, очень сложно случайно перелезть через трехметровый забор, верхнюю колючку под током – и после этого заявлять о своей невинности.

Эта часть моей работы мне не нравилась. Дико неуютно проходить сотню метров от забора до ворот, зная, что, сработай неправильно автоматика, – и даже охранники, давно знающие меня в лицо, могут и не успеть ее остановить.

Или не захотеть этого делать.

³ Втор. 33: 25.

Хотя теперь мне хотелось, чтобы пулеметов было побольше. И охранников – раз в десять. Никто не нашел меня на новой квартире. Или же нашли тех, кто искал меня, – безопасность молчала, а я не спрашивал. Я даже как-то слегка успокоился. Лишь слегка. От пулеметов все равно не отказался бы.

А еще мне не нравился высокий забор. С уроков православия я помнил немного. Но, например, хорошо запомнил вот это: «Кто высоко поднимает ворота свои, тот ищет падения»⁴.

Мы, не только эта компания, а все мы, поднимали наши стены все выше. Возможно, я не мог выразить этого словами, но и тогда мои ощущения говорили мне, что это не к добру.

До конца первых трех месяцев – официального испытательного срока в компании – мне оставалась всего неделя. И в принципе мне очень нравилась работа. Особенно когда ко мне не приставали громилы по вечерам.

Конечно, большую часть времени я лишь сидел и восторгался слаженной работой техники, иногда пытаюсь что-нибудь почитать. Начинал понимать, как мой предшественник умудрился подсесть на инструкции. Но временами становилось и интересно. Когда программа оказывалась не в состоянии понять, что же, собственно, происходит и почему одни датчики говорят о наличии нужной коробки в нужной ячейке, а другие – на мехманах – заявляют, что коробки там нет. Вот тут кладовщик и должен был выступить во всем блеске, в сиянии своей славы. Сходить на место лично (сходить – это, конечно, громко сказано, скорее, проманеврировать между постоянно мечущимися тележками), разобраться. Иногда даже принять решение.

Ну, а еще приходилось постоянно принимать машины с товаром и отгружать заказанные грузы в магазины.

Но в момент, когда все началось, я занимался именно разбирательствами внутри склада.

* * *

Весь, абсолютно весь товар «Наноздоровья» паковался одинаково. Ампула вкладывалась внутрь специального контейнера с двусмысленной аббревиатурой «НЗ» на внешней поверхности. Контейнеры, обеспечивающие полную безопасность содержимого, вкладывались в ящики по десять, двадцать, сорок и восемьдесят экземпляров. Широкоупотребимые препараты шли чаще всего в крупной упаковке, редкие, дорогие и те, что не пользовались большим спросом, приходили в упаковках поменьше. Ящиков емкостью меньше десяти не было, хотя на складе существовала еще одна комната для разовых экземпляров. Наверное, единственное помещение, где роботизация отсутствовала и кладовщик мог все делать вручную. В этой комнате хранились не всегда самые дорогие бланки – просто те, которые пришли распакованными, рассыпью, в отдельных контейнерах, не упакованных в ящики.

Я проверил еще в первые дни моей работы – «Ходока» не припрятали в этой части склада. Судя по записям в компьютере, этот бланк здесь вообще не появлялся. Продавец не наврал насчет редкости, даже исключительности, и дороговизны моего фетиша.

Думаю, в этой комнатке хотели бы побывать многие. За некоторые, абсолютно однотипные коробочки люди расставались с состояниями. Там, на заветной полочке, лежал первый образец «Alois-XXI», рекламу которого сейчас начинали крутить по всем каналам, – бланк, призванный излечивать болезнь Альцгеймера. Наследуемые наноботы, хотя спроси меня – как раз для этого бланка наследуемость являлась не столь уж очевидным преимуществом.

⁴ Притч. 17: 19.

Думаю, что кто-то где-то в корпорации напортачил. Перепутал, дав лаборатории не то задание на разработку. Бывает.

Хотя возможно, кто-то просто хотел разом накрутить цену. Аналог любого бланка, если он вообще предлагался на рынок в наследуемом варианте, стоил сразу раз в десять дороже. И в пятьдесят, если наследуемость поддерживалась по отцовской линии.

Внутри, без выноса на широкую публику, для бланков даже существовала специальная категоризация. Сначала по сроку действия, вплоть до «пожизненных». Затем две верхних ступени иерархии – наследуемость от матери к ребенку, через преодоление наноботами плацентарного барьера, и наследуемость от отца – в этом случае ботам приходилось размножаться почти непрерывно, не просто поддерживая оптимальное для организма количество, но и проникая в половые органы, попадая в чрево будущей матери заблаговременно, вместе со спермой.

Чтобы потом чаще всего просто оказаться пойманными в ловушку презерватива.

Крайнее расточительство, по моему мнению. Но многие платили за саму возможность. Теперь это стало неонаследством. Возможно, единственным, что стоило передавать потомкам.

Там, в этой комнате, на нижнем стеллаже, скромно, почти у самого пола, лежал «Акробат» – бланк для гимнастов и космонавтов, улучшающий действие вестибулярного аппарата так, что человек мог спрыгнуть с многоэтажки, покувыркаться в воздухе полдюжины раз и при этом спокойно приземлиться на ноги. Ноги, конечно, он все равно бы сломал, да и сам бы, скорее всего, погиб после такого эксперимента, но в рекламе это все равно выглядело замечательно. Конкурент даже выпустил вдогонку полный аналог, который они называли «Веретено».

Похоже, ни те, ни другие не совсем понимали, зачем, собственно, выплескивать узкоспециализированные препараты на общий рынок. Но когда у тебя столько денег, понимание не всегда обязательно. Поэтому реклама крутилась по телевизору и в сети, а бланк, в единственном экземпляре, лежал в моей кунсткамере. Иногда его покупали, по предварительному заказу, и тогда он уезжал, а на его место приезжал новый.

У входа слева в комнате стояла коробка, с россыпной «бронежилетов». Целых шесть – почти что рекорд для коллекции редкостей, их окружавших. Армейский образец, который вообще не попадал на открытый рынок. Но на нашем складе он все равно присутствовал – потому что время от времени компания могла предложить этот бланк сотрудникам службы безопасности. Поэтому несколько штук всегда лежали наготове, чтобы каждый новый охранник мог почувствовать себя защищенным, загоняя под кожу наниты, уберегающие его от пуль.

Лично я в это не верил. Считал, что этот бланк специально разработан, чтобы солдаты охотней шли в бой, веря в свою неуязвимость. Ну, и в принципе, еще кожа приобретала такой гламурный сероватый оттенок. Говорят, сейчас это стало модно и очень нравилось девушкам.

Наверное, именно поэтому «бронежилеты» пользовались на черном рынке бешеной популярностью. Конечно же, не потому что их раскупали бандиты, готовясь к новым разборкам. Один такой бланк, если бы я захотел и умудрился вынести его из комнаты, стоил у скупщиков три моих месячных зарплаты.

Ерунда, мелочевка. Деньги меня сейчас интересовали меньше всего.

Но как раз в этой комнате все обычно бывало в порядке. Потому что товар, находящийся в ней, оборачивался медленно, и всегда оставалось время разобраться и сверить каждую мелочь. Проблемы случались чаще всего в глубине основного склада, там, где в отдельной ячейке коробки менялись, бывало, по несколько раз в день. Одни увозили, другие привозили на их место.

Программа как-то рассчитывала и оптимизировала загрузку склада, но и мне всегда оставалось чем заняться.

Я смотрел на упаковку по восемьдесят, стоявшую в ячейке на втором уровне, и пытался понять, что, собственно, не понравилось программе. В упаковке должны находиться кровавые пловцы. Судя по показаниям сканера, они там и находились. За несколько месяцев работы

я запомнил даже базовые расшифровки радиометок и мог не залезать в наладонник, чтобы посмотреть, что за товар кроется за тем или иным набором цифр.

В этот раз залезть все же пришлось.

Ну да, кровяные пловцы, «Базовый иммунитет», версия 3.8, срок полезного действия – три года. Три года. Я еще раз посмотрел на записи доставки. «Базовый иммунитет», версия 3.8, срок полезного действия – тридцать лет. Ошибка в одной цифре. Понятно.

Непонятно, где искать вторую такую же упаковку, тридцатилеток, стоящую в несколько раз дороже этой. Ту, которая должна была находиться в этой ячейке. Что еще интереснее – а была ли она вообще, или на склад изначально привезли не то, что было записано в сопроводительном файле?

Бывает. Я посмотрел в переносной компьютер-наладонник. Здесь больше делать было нечего, надо вернуться и начинать копаться в записях, чтобы понять, что, собственно, произошло. А для этого мне надо посмотреть, как пробраться мимо спящих во все стороны тележек. Останавливать работу склада ради перемещения по нему моей персоны не очень хотелось. Придется, конечно, перенаправить пару-другую тележек, но эти флуктуации я предпочел бы минимизировать.

В передатчике затрещал голос одного из охранников, Андрея:

– Странно. Эй, Юрий, тут экспедиторы из восточного округа почему-то вернулись. Ты им что, не то отгрузил? Они тебе звонили?

Я наклонился к рации и ответил:

– Нет, не звонили. Вообще-то они бы и не вернулись, если только при погрузке им не перепутали вообще все. Помню этих ребят, ленивые донельзя.

– Понятно. Повышаю категорию безопасности. Извините, ребята, протокол, Юрий, Дмитрий, возвращайтесь к дебаркадерам, на рабочие места. Большой Джо, давай-ка ты их встретишь, посмотришь.

Дмитрий – так звали механика. У СБ присутствовал некий протокол, оговаривающий почти все варианты различных ситуаций. И сейчас категория безопасности требовала, чтобы «гражданские» сидели на своих местах, бросив всю работу, и не шевелились. Ладно я, все равно туда и собирался, а вот Дмитрий будет ворчать.

– Может, сам? – неохотно ответил в эфире Большой Джо, второй охранник. Действительно большой и впридачу весьма ленивый.

– Протокол, – без единой эмоции напомнил Андрей.

– Встретить машину, проверить безопасность, – вернулся к уставу Джо. – Буду у ворот через минуту.

– Держу их снаружи периметра до твоего прибытия, поспеши.

– А чего говорят? – спросил я в рацию, не спеша отходить от злополучной ячейки. Может, мехман случайно поставил нужную упаковку правее или левее. Все бывает, хоть и нечасто. Машины – они же как люди, сбоят все время, ошибаются, путаются, забывают свои задания. Просто чуть реже, чем мы.

– Сейчас узнаю, – ответил Андрей.

Пауза затянулась, я выбрал, наконец, обратный маршрут и покатился вдоль стеллажей. Самый простой маршрут – прямой. Пришлось лишь заблаговременно притормозить с помощью наладонника пару грузовых тележек, чтобы не устроить давки прямо в проходе.

– Говорят, что машина сломалась. Хотят сгрузить товар и отогнать ее на автобазу, – сообщил Андрей.

– Бывает, – хмыкнул Большой Джо. – Раззявы – они и есть раззявы. Давай, запускай их, а то что-то зябковато на улице.

Октябрь действительно не радовал теплом. Температура еще не опускалась ниже нуля, но и бабье лето в этом году как-то прошло стороной. Холодно и пасмурно почти все время.

Не то чтобы меня это хоть как-то трогало. Не сейчас. Не в этом году, не в этом городе. Другие вещи, не погода, казались значительно важнее. Можно сказать, что после смерти родителей я впервые хоть чуть-чуть приобрел вкус к жизни. Цель, желание и способность ее достигнуть. Немало.

Так что холод на улице меня не волновал. И оставалось только удивляться, почему он волнует других. Тем более большего Джо, которому вообще должно быть все равно, что происходит снаружи от его огромного тела.

Выстрел. Я услышал его где-то на середине своего пути от проблемной ячейки к своему рабочему месту у дебаркадеров. Сначала заехал грузовик с незадачливыми экспедиторами, потом, почти сразу, хлопок.

Выстрел, одиночный, из оружия с глушителем.

Возможно, я мог бы спутать его с любым другим звуком на складе. Вообще не обратить на него внимания. Да только недавно провел неделю подряд в тактическом шутере, отвлекаясь от тоски одиноких вечеров. В этой игре пистолеты с глушителем пользовались особой популярностью. Такие получались тихие перестрелки на узких улочках европейского города. Такого же тихого, как и война, развязанная в нем.

А может, и нет. Может, просто хлопок от двигателя? Или что-то стукнуло в кузове? Или кто-то как раз решил открыть банку кока-колы. А звук, загулявший под высокими потолками склада, выдал себя за выстрел.

Все может быть значительно проще, если подумать.

Я остановился, прижался коляской к стеллажу, размышляя – то ли ускориться и самому убедиться, что у меня не все в порядке с головой, то ли, наоборот, спрятаться, переждать до прояснения ситуации.

Еще хлопок.

Я мысленно нарисовал картинку. Экспедиторы, перекупленные бандитами или под дулами автоматов, заводят машину внутрь склада. Распахивается дверь кузова, и из нее вываливаются налетчики. Джо, он должен стоять как раз там, прямо за машиной, чтобы проследить, что ничего не привезено контрабандой. Первый выстрел – и он падает.

Механик. Место Дмитрия как раз неподалеку, а значит – второй хлопок для него. Быстро, чисто и без размышлений. Еще два хлопка – и склад будет целиком в их руках. Остался только Андрей да я, незадачливый стажер-кладовщик.

Полный бред.

Видимо, у машины действительно что-то не в порядке с двигателем, и эти хлопки – лишнее тому подтверждение.

Я двинул коляску вперед.

По всему складу зазвенела тревога. Голос Андрея в радиии показался мне на удивление ровным:

– Склад под нападением. Протокол защиты включен. Всему персоналу – сохранять спокойствие... Прячься, Юра. Прячься и не высывайся.

После этого я услышал сразу пять или шесть выстрелов, настоящих, без всякой придури с глушителями. Стрелял явно Андрей, теперь уже можно не сомневаться.

Я мог, конечно, пофантазировать на тему слуховых галлюцинаций, но теперь вера в лучший исход могла сильно меня подвести.

Я покатился назад, к ближайшему перекрестку проходов, чтобы хоть как-то укрыться за стеллажами с торца.

И подтянул к себе поближе наладонник.

Глава 4

Любого человека можно обмануть. Любую программу – да проще простого. Разница лишь в том, что обманутый человек, если он не клинический идиот, вряд ли попадется на ту же самую уловку дважды. Машину можно обманывать сколько угодно раз, даже не пробуя изменить что-то в методе. И она каждый раз, усердно и бесстрастно, будет «вестись» на твои уставшие уловки.

До тех пор, пока не придет человек и что-нибудь не исправит.

Читить⁵ складскую программу меня научил Дмитрий. Так, в качестве забавы, просто показал пару трюков. Он не так чтобы очень хорошо разбирался в самой программе, больше в железе. Думаю, что даже до этих трюков он дошел не самостоятельно, а просто, как и я, получил их от кого-то по наследству.

Суточная смена предполагает не только периоды авралов, но и длинные ночные часы практического безделья, когда самое время развлекаться. Например, заставляя подчиняющуюся программе механизмы на складе вытворять вещи, на которые их не подписывали. Более того, иногда – которые нарушают технику безопасности.

Это именно то, что мне сейчас было нужно, – пара нарушений техники безопасности, которые могут привести к телесным повреждениям. Очень хотелось, чтобы привели.

Я прислонил спинку коляски к торцу стеллажей. Следующего пролета мне не преодолеть, поэтому именно здесь и нужно было как-то спрятаться. Поперечный проход считался «непроездным», и погрузчики ездили по нему редко. Можно сказать, что я находился на островке спокойствия почти в центре склада. Только вот этот островок и его тишина не смогут защитить меня от налетчиков.

Я чуть двинул коляску вперед и выглянул обратно в проход, по которому только что улепетывал. Там, в самом его начале, бежал Андрей. Бежал в мою сторону. Расстояние не такое уж и великое – он меня увидел, увидел и махнул левой рукой, пытаясь сказать, чтобы я убежал еще дальше.

Невозможно. Они умеют бегать, я же лишь могу неторопливо ездить на своей колясочке. Если я засвечусь в проходах, меня точно достанут. Что-то я сомневался, что столь решительные ребята, стреляющие без разговоров и предупреждений, собираются хоть кого-то оставлять в живых. Когда хотят попугать, не надевают глушителей. Глушители вообще вещь дорогая, чтобы тратить их по пустякам.

Андрей развернулся и выпустил еще несколько пуль в выскочившего вслед за ним налетчика. Тот вовремя отскочил под укрытие на другом конце стеллажей.

Я катнул коляску обратно, наклонил голову назад и выглянул из-за стеллажа с другой стороны, в соседний проход. По нему бежали трое, пытаясь обойти Андрея и взять его в клещи. Надо полагать, что и с другой стороны, через один проход, бежал еще кто-то.

Я не знал, сколько нападавших. Вообще ничего не знал. Четверых я видел сам, а в кузов грузовика могли набиться и все сорок. Это мало что меняло именно сейчас, когда счет пошел на секунды. Несколькими отдельными командами я запустил с наладонника первый финт, который мертвый теперь механик называл «пьяные гонки». Если задать вручную для тележки маршрут от одной ячейки с одной стороны прохода, а потом, следом, к другой, находящейся почти напротив, после этого поставить исполнение на «немедленно», то тележку начинало лихорадить. Она «забывала», что ей еще надо дождаться у ячейки груза, забывала о контроле безопасности и о безусловной остановке в случае приближения других движущихся объектов.

⁵ От *англ.* cheat (чит) – нечестный прием.

И начинала на полной скорости ехать вдоль прохода, пытаясь при этом еще и прижаться то к левому, то к правому ее краю.

Баг. Я даже сообщал с пару недель назад о нем через наш офис разработчикам программы, но они ничего не исправили. Не успели, или работали над чем-то другим. Или вообще посмеялись и забыли, понимая, как и я, что такую ситуацию можно вызвать лишь искусственно.

Спасибо этим лентяям. Теперь по проходу, где бежало трое грабителей, и еще по тому, который находился через один от меня, мчались бешеные тележки. Я не надеялся, что они причинят значительный вред грабителям, вряд ли даже обратят их в бегство. Но то, что сумасшедшие тележки их задержат, это точно. Меня бы задержали.

Время запускать второй финт. Мехманы тоже были не без греха.

С ближайшего прохода кто-то прокричал проклятие – первый звук, что я вообще услышал от нападавших. Что ж, хоть какой-то, но результат.

Вряд ли мои действия коренным образом поменяют ситуацию – если они уж умудрились попасть внутрь, то тут их вообще сложно остановить. Только не одному охраннику и еще одному калеке. Я вновь подумал, что охрана склада все же слабовата, и текущая ситуация это только подтверждала. Хорошо, что Андрей успел включить тревогу, но на приезд подкрепления от СБ корпорации или патрульных из ближайшего полицейского участка рассчитывать не стоило. В лучшем случае десять, может, даже и двадцать минут. За это время нас на этом складе не просто закопают, но еще и успеют забрать все, что им надо, и смыться. С момента включения тревоги не прошло и минуты, а склад уже сейчас находился почти под их контролем.

Не повод сдаваться. Меньше всего я собирался поднимать лапки кверху. В данной ситуации это точно никак не могло обеспечить моего выживания. Только верную смерть.

Есть две команды, заставляющие мехмана подумать, что он находится почти у самого пола, а еще – что под его рукой как раз сейчас стоит ожидающая товара тележка. Это при том, что на самом деле манипулятор может находиться почти под потолком. Мы это пробовали, правда, только с порожняком. Еще не хватало уронить восемьдесят контейнеров с бланками. Хорошо, если ширпотреба, а если чего-то такого, что стоит по моей месячной зарплате за один укол?

Теперь я все же выглянул, чтобы убедиться, что, по крайней мере, один из нападавших перескочил через тележку и бежит в мою сторону. Знакомое лицо, отметил я где-то на втором плане сознания, и заставил глюкануть мехман над ним.

Упаковка по восемьдесят, килограммов двадцать в ней точно будет. Я сделал еще одну заметку, опять же в пассиве, что бланки я выбрал удачно – одна моя зарплата, и, в случае чего, расплачусь за всю упаковку. Какая-то устаревшая версия «бульона» – катализатора и пищи для размножения кровяных пловцов. Если я правильно понял, ожидающая возврата на утилизацию, потому что в магазины поставлялась уже новая модель. Да и не будет с ними ничего. Даже при падении с этой высоты. Контейнеры для бланков в данном случае стоили дороже самих бланков. Зато они надежно охраняли содержимое и являлись универсальным носителем продукции корпорации.

Я промахнулся. Налетчик успел проскочить вперед, прежде чем мехман выпустил упаковку. Правда, мои усилия пропали не полностью, – восемьдесят бланков единой массой удачи по следующему, тоже с успехом преодолевшему препятствие в виде бешеной тележки.

А первый бежал ко мне. Он уже увидел мое лицо, меня, выглядывающего из-за стеллажа. Но даже не испугался, похоже, точно зная, что я не вооружен.

С другой стороны пролет преодолел Андрей, спрятался рядом со мной, выстрелил куда-то вдоль прохода и сбросил магазин.

– Еще одна, – почти равнодушно сказал он. – Последняя. Всего одна обойма в запасе. Двоих я задел, но их там под двадцать, наверное. И уже грузят, представляешь. Я видел,

они начали зачистку склада и одновременно погрузку. Точно знали что брать. Те упаковки, у выхода, помнишь?

Я помнил. Как не помнить. Упаковки по десять. Наследуемые по обеим линиям кровяные пловцы последней модели. С заявленной возможностью скрещивания и автоматизированного выявления наилучших характеристик для использования в теле носителя-наследника. Чудо науки, техники и корпорации. Непрерывная реклама везде, где только можно, и цена, задранная до небес. Упаковки как раз из тех, которые ронять не стоило: не расплатишься. А их там было немало – подвезли под рекламную акцию. К тому же, несмотря на неимоверную цену, в городе найдется немало желающих получить подобную вещь. Все лучше передавать наследникам лишний шанс на выживание, нежели швейцарские часы.

Но это сейчас казалось не столь важным. Важно было другое:

– Здесь, бежит один, за ним еще, – я махнул головой, показывая направление. – С той стороны, думаю, тоже.

– Кирдык, – заявил Андрей, вставляя свежую обойму и разворачиваясь ко мне.

Как раз вовремя.

Они выстрелили друг в друга одновременно, налетчик и Андрей. Как раз надо мной, заставив меня на мгновение оглохнуть. Затылок слегка подпалило от выстрела сзади, а спереди на лоб попала пара раскаленных крупинки то ли пороха, то ли отлетевших кусочков гильзы. Хорошо хоть, что в лоб, а не в глаз. Не хватало еще стать не просто безногим, но еще и безглазым.

Странные мысли для того, кто может прямо сейчас стать просто мертвым. А бывают мертвые калеки? Или мертвые вновь становятся равными? Богатые и бедные, здоровые и больные? Нельзя же сказать «этот мертвец не умеет ходить» или «этот покойник ослеп на правый глаз». Конечно, не умеет, конечно, ослеп. Могу добавить, что он еще и не дышит. Одним словом, инвалид.

Весь этот бред несся в моей голове в то самое время, как я смотрел на пулю, впившуюся в грудь Андрея. Дыра на униформе была, да и на коже дыра тоже присутствовала, но похоже, что продвинуться дальше пуле не хватило сил. Все-таки бланки-бронежилеты, судя по всему, выпускали не только для психологического давления на солдат. Похоже на то, что они действовали.

Я рывком дернул коляску в сторону, уходя с линии огня, если Андрей решит добить нападавшего. Почему-то я был уверен, что тот уже падает, сраженный выстрелом в упор.

Меня ждал сюрприз. Даже целых два сюрприза. Во-первых, теперь я понял, где я видел этого громилу. Конечно, на лестничной клетке квартиры родителей, в последний день моего там проживания. И он к моему поспешному съезду с занимаемой жилплощади имел самое непосредственное отношение.

Второй сюрприз заключался в том, что он тоже стоял. Выстрел принес ему не больше вреда, чем Андрею.

«Долбаные боевики, – подумал я. – Накачались бланками так, что даже боли не чувствуют».

Это правда. На их лицах сейчас можно было найти удивление, ярость, может быть, страх, но никак не боль.

Я считал, что откатился вовремя. Оба противника имели еще много патронов, и мне не хотелось, чтобы мной воспользовались в качестве естественной преграды-укрытия.

Я ошибся, ожидая дуэли на пистолетах в упор. Кто-то выпустил сразу очередь, тихую из-за глушителя, из того прохода, откуда только что прибежал Андрей. Может быть, он и не умер сразу, но охранника отбросило на пол, и по его неестественной позе я моментально определил, что больше на него рассчитывать не приходится.

– Ну что, сучонок, – ухмыльнулся «гость с лестничной клетки», – добегался?

Он поднял пистолет, и я еще раз поразился размеру шумоподавителя, который был чуть ли не длиннее ствола.

А потом я сделал то, чего меньше всего можно ожидать от калеки, прикованного к инвалидному креслу.

* * *

В последний момент Гость попытался отступить. Не успел.

Когда коляска начала падать, у него, как и у любого, возникло два противоположных рефлекторных позыва. Первый – оттолкнуть падающий предмет, второй – отступить. Для людей, не способных, а чаще просто недостаточно тренированных, принимать в таких случаях однозначные решения, подобная дилемма является катализатором для впадения в ступор.

Надо признать, что громила из ступора вышел. Слегка поздно, но вышел. Изначально мне хотелось попасть ему по коленям, но пришлось ограничиться лишь ступнями. Я управлял падением до той степени, до которой мог контролировать свое транспортное средство, в кое производители, конечно, не закладывали возможности подобных трюков.

В последний момент мне удалось все же «спланировать» так, чтобы ребристая поверхность подлокотника рухнула ровно на подъем стопы. Ботинки у бандита оказались хиловаты. Неплохи для быстрого передвижения, но не для защиты от нападений диких колясок. Я еще добавил свой вес – не сказать что большой, особенно по сравнению с бандитом. Но тут тонкость в том, что весь этот вес, и мой, и коляски, в одно мгновение сосредоточился на очень узком участке подлокотника, превратившемся в авангард моей атаки.

В ступне, оказавшейся прямо подо мной, что-то отчетливо хрустнуло. Впервые подобное членовредительство меня откровенно порадовало. Похоже, мы с Гостем сравнялись в физических возможностях, хотя бы на время. Вряд ли он теперь сможет ходить намного лучше меня.

Из своего лежачего положения я посмотрел снизу вверх. Пришла моя пора впасть в ступор. Хотя было очевидно, что ступня у налетчика раздроблена, на его лице не отражалось ни капли боли. Лишь раздражение, переходящее в ярость.

Похоже, сейчас весь остаток его обоймы окажется во мне.

И как назло, я из своей кожи дубленую шкуру сделать как-то не удосужился. Не стояло у меня это в списке приоритетов.

Я откатился в сторону именно в тот момент, как Гость сделал первый выстрел. Как-то вывернулся, пихнул коляску, стараясь еще и сбить его с ног, и откатился, оказавшись прямо с лежащим рядом Андреем. То ли мертвым, то ли просто без сознания, проверять у меня времени не было. Тем более что в кратчайшие сроки я мог оказаться в похожем состоянии.

От первого выстрела я улизнул, вторым промахнулся сам Гость. Я лишь слегка помог, еще раз толкнув рукой коляску в его сторону и сбив ему прицел. Другая моя рука, шарившая по полу в поисках чего-нибудь потяжелее, наткнулась на пистолет, зажатый в руке Андрея.

Я успел выдернуть его, к сожалению, лишь за дуло. Тут уж либо постараться перехватить его поудобней и вступить в дуэль с грабителем, получив по дороге, еще до того как я успею положить руку на рукоять и дотянуться до спускового крючка, пару-тройку пуль. Либо... Я следовал изначальному плану: раз уж нашел что-то тяжелое, то и воспользовался, кинув пистолет в громилу, метя в голову.

Попал. Что спасло меня от третьей пули, лишь ожегшей плечо. Рукав начал намокать, – но это ерунда для человека, только что смотревшего прямо в дуло глушителя. Пуля предназначалась моей голове, не руке.

Где-то на фоне, далеко-далеко от места основных событий, участились выстрелы. Я даже не стал обращать внимания на странность этого шума. То ли грабители не поделили что-то

между собой, то ли решили пострелять по упаковкам с бланками. Бесполезно, кстати говоря: контейнеры, скорее всего, выдержат и пулю.

Следующий выстрел моего оппонента должен стать последним. Так что мне извинительно, что я не слишком уделял внимание декорациям, на фоне которых это все происходило.

Отлетевший от лица Гостя пистолет вновь лежал неподалеку от меня. И его рукоять манила. Ну и не ждать же пули! Шансов никаких, но попытаться все же стоило.

Я дернулся за трофеем, вложив в рывок всю скорость, на которую оказался сейчас способен.

Конечно же, я не успел.

* * *

Хлопок от пистолета с глушителем трудно спутать с чем-то другим. Если, конечно, тебе пришлось послушать его несколько раз до этого. Если пару из этих раз ты видел дуло этого самого глушителя. Не путаешь. Он может быть тихим, этот выстрел, может затеряться в городском шуме, или на него просто не обратишь внимания, если не ждешь. Но спутать его нельзя.

Сейчас хлопка не было. Только щелчок, ровно в тот момент, когда я начал поднимать оружие Андрея.

В отличие от охранника, Гость не перезарядился.

И вот теперь я увидел на его лице не только ярость и раздражение, но и страх. Пусть и не боль, что я бы предпочел, но страх – тоже сойдет.

Я выстрелил. Уже зная, что грудь у него прикрыта, и в надежде на то, что в каких-то частях тела подкожная броня все же слабее, я сделал два выстрела по коленям, еще два в пах – и лишь после этого перевел дуло на голову, выпустив в нее оставшуюся часть обоймы. Нажал на курок еще несколько раз после первого сухого щелчка, за которым больше не следовал выстрел. Три щелчка, я запомнил. И лишь после этого мой злой ангел-преследователь начал падать.

К моему глубокому облегчению, молча. Каких-нибудь сантиментов вроде «ты меня подстрелил, калека» я бы просто сейчас не выдержал.

Но, похоже, тут было кому поговорить и вместо него.

– Оружие на пол, быстро, – сказали сзади. Видимо, не доверяя моему слуху, еще и прижав горячее дуло к моему затылку. Горячее, точно: волосы начали шипеть и завоняли, подтверждая, что это никак не пенал от авторучки, а оружие, которое только что стреляло.

Надо полагать, способное выстрелить и еще. Тут сложно лишь начать, а если уж завелся...

Я выпустил пистолет из пальцев. Он глухо ударился о бетонный пол. Холодноватый, как я только что понял. Наверное, почувствовав разницу с ожогом на затылке.

– Не порти парню прическу, – раздался, тоже где-то за спиной, смутно знакомый голос. Просто вечер воспоминаний, а не рабочая смена. – Парень наш.

– Чисто, – механически ответил спецназовец, убрав от меня дуло автомата и заученным движением отпинывая мой пистолет в сторону. Второй, выскользнувший из-за спины вслед за ним, наступил на руку Гостя, все еще державшую оружие. Слегка присел, посмотрел лежащему в лицо и мотнул головой:

– Чисто, – эхом повторил он.

Я обернулся. Петр Семенович в откровенно не идущей ему военизированной форме, буквально утонувший в бронежилете, стоял на проходе и осматривался.

– А как ты умудрился завалить коробками того, между стеллажами? – удивился он. – Так разве можно?

– Кому? – ответил вопросом я. – И когда? Мне показалось, что сейчас – можно.

– Я о датчиках безопасности... – начал было уточнять эсбешник, но замолк. – Впрочем, ладно, проехали. Итого, инвалид-кладовщик завалил двух боевиков, в то время как двое охранников просто легли. Забавно.

– Андрей отстреливался, – попытался я защитить свою смену.

Петр Семенович лишь махнул рукой:

– Ладно. Я не умаляю его мужества. Проблемы с расторопностью. Парни, помогите герою вернуться на его трон. А ты меня удивил, да.

Петр Семенович подошел к моему обидчику.

– Судя по описаниям, это тот самый? Кто тебе угрожал? Видишь, и такие угрозы иногда становятся реальностью. Чуть-чуть я с ним разминулся неделю назад. Чуть-чуть. А так бы, может, обошлось и без этого.

Петр Семенович повел рукой, показывая на окрестности. Вокруг бойцы СБ оттаскивали мертвых грабителей, постепенно вязали и уводили захваченных живыми.

– Жаль.

Один из бойцов, с маленьким красным крестиком на рукаве и каске, подсел к Андрею.

– Жить будет, – через мгновение заявил он. – Хорошая эта штука, «броня». Жаль, что не про нас.

– Замедляет реакцию, – счел необходимым пояснить слова медика эсбешник.

– Так вы знали о нападении? О том, что оно готовится? Вы же приехали даже раньше, чем полиция.

– Какая полиция? – удивился Петр Семенович. – Да сюда полиция и не попала бы. А мы не приехали, а прилетели. И ответу даже на первый вопрос: конечно, мы знали о нападении. Не об этом, конечно, а вообще. Мы знаем, что на наши склады нападают, все чаще и чаще. Поэтому стандартное время прибытия на объект у нас – шесть с половиной минут. Это только для того, чтобы они не начали портить имущество компании. Потому что забраться внутрь им как-то удалось, но выехать после того, как включилась тревога, – вряд ли. Пулеметы сейчас готовы стрелять даже по крысам.

– А как же пробрались вы? – не удержался я еще от одного вопроса.

– Это детали, – успокоил меня Петр Семенович, ясно показывая, что не собирается отвечать. А потом добавил, уже тише, заговорщицким полусшепотом, показывая пальцем на потолок: – У нас там вертолетная площадка на крыше. И зенитный пулемет, если кто-то захочет воспользоваться нашим входом.

Я оглядел склад новыми глазами и понял, что он говорит правду. Меня всегда озадачивало то, что в центре помещения зачем-то добавлены несколько дополнительных несущих колонн, явно избыточных, чтобы поддерживать легкие конструкции.

– Насколько я помню, молодой человек, – вернулся к своему нормальному голосу мой куратор, – через неделю у вас конец стажировки. Как получите новые ноги, загляните-ка ко мне. С такой удачливостью, как у вас, возможно, вы сумеете более интенсивно поработать на корпорацию, нежели просиживая штаны на складе.

Лучшее, что я услышал за день. Не по поводу работы, а на тему того, что через неделю я получу свой бланк. Как-то мне показалось, что теперь, после слов эсбешника, проблем с этим у меня точно не будет.

* * *

Механик умер. Большой Джо умер. Андрей лежал в клинике, и вроде как обещали, что его подлатают.

Я – отделался легким испугом.

Но сейчас тоже находился в клинике. Внутренней клинике – лаборатории корпорации. Как и предполагалось, «Ходока» провели по статье «предпродажные испытания на людях». Это означало, что если что пойдет не так – винить мне будет некого, и компенсаций требовать тоже не с кого. Одновременно это означало, что я получаю бланк, на который в противном случае мог бы горбатиться всю жизнь, абсолютно бесплатно.

Также это приводило к тому, что я не просто вколол себе колонию в руку, позволяя ей, каждому боту по отдельности, самостоятельно добраться до нужных частей тела, угнездиться там и заняться делом. Вместо этого мне пришлось лежать в этой лаборатории, под наблюдением врачей.

А они, казалось, только и ждали, над кем бы поизмываться вволю.

Анализы, анализы, еще анализы. Раз уж на меня все равно запалили чуть ли не бесценный новый образец, белые халаты не жадничали в мелочах. Новейшие кровяные пловцы, «Мания Гейгера», нецелевые наноусилители мышц, «Исцелитель», «Флори IV». Это так, на завтрак. Потом они, узнав о моем геройстве на складе, качнули в меня «Любителя пуль» – хорошо еще, я едва отбилась от «брони». Чем хорош «любитель» – так это тем, что, судя по описаниям, он не сковывает движений. Начинает работать лишь тогда, когда ты уже словил пулю. Заживлять рану, обволакивать чужеродное тело. Если пуля засела неглубоко, то даже выталкивать ее наружу. В теории.

И дальше они двинулись лишь после того, как все это устаканилось в моем организме. А процесс шел отнюдь не столь безболезненно, как можно было подумать. Тошнота. Температура. Постоянная температура несколько дней подряд. По признанию высоколобых, одна из колоний у меня просто погибла. Сочли ее бракованной и забыли. Для них, похоже, это являлось нормальным.

Пока я лежал в лаборатории, для меня открылось много нового в работе корпорации. Например, то, что у каждого бланка, выпускаемого на рынок, было еще одно незадокументированное и неафишируемое свойство – количество смертей на десять тысяч использований. Из тех бланков, что пришлось ассимилировать мне, хуже всего это значение было у «Любителя пуль» – тридцать семь. Но как раз «любителя» мой организм принял. А вот одну из колоний, что должна следить за общим обменом веществ, – нет.

Один из лаборантов выразился так: «Оно и к лучшему. Эта фигня все равно ничего не улучшает. Даже прыщи не проходят».

У меня тут же возник вопрос: а зачем тогда, собственно, нужно было меня ею пичкать?

Но вопросы я держал при себе. Я готов был рискнуть. Знал, ради чего это делаю.

Лишь через неделю меня положили под капельницу с «Ходоком».

– Будет больно, – весело заявил врач. – Можем загнать тебя под общий наркоз на время. Или хочешь – отложим и вколем тебе сначала новый бланк – «Мандрагору»? Недавно поступил. И больше в этой жизни боли ты не почувствуешь. Только если поезд переедет. Никаких побочных эффектов не выявлено, вещь – супер.

– А число какое... так сказать, на десять тысяч?

– А, – небрежно махнул ручкой доктор, – шестнадцать всего.

– А конфликт из-за одновременной ассимиляции такого количества бланков как это число может увеличить?

С волками жить – по-волчьи изъясняться. Я не мог ему просто сказать, что уже побаиваюсь, что скоро в крови у меня ботов окажется больше, чем всего остального. Да вообще – просто боюсь. Приходилось подводить их к мысли плавно, на их собственном языке.

– Да... может быть неприятно, – задумался врач. – Ну ладно тогда, давай наркоз, а то уже хочется попробовать эту чудо-штуку! Только все равно, как выйдешь из наркоза, будет больно. Таблетки придется упаковками глотать.

* * *

Было больно.

Очень.

Сначала боль глушили таблетками, но потом даже самые сердобольные лаборанты отказались мне их давать. Такие дозы обезболивающего могли убить меня быстрее, чем боль.

Похоже, на такое долгое приживание ботов не рассчитывали даже врачи. Никто из них не работал с этим бланком раньше, все ориентировались на технические описания.

Увы, технические описания никак не могли передать моих ощущений.

Боль сходилась, расходилась, иногда била светом из больничного окна, временами подкрадывалась голосами людей. Она въедалась из матраса, на котором я лежал, влетала воздухом, которым я пытался дышать.

Но свою штаб-квартиру, свое лежбище боль устроила в позвоночнике. Он весь превратился в раскаленный кол, на который я оказался посажен по собственной воле. Я уверен, что, не будь я тогда закреплен всеми возможными методами на кровати, не будь привязан ремнями, словно находился в психлечебнице, я нашел бы способ – и вырвал бы у себя позвоночник, только чтобы избавиться от страданий.

Я орал, когда мог. Иногда терял сознание, но, к моему глубочайшему сожалению, это происходило слишком редко и слишком ненадолго. Я рвался из пут. Вроде бы даже упрашивал пристрелить меня прямо там. И, конечно же, просил еще укол.

Просил вколоть мне что угодно – морфий, цианистый калий, виагру, – но избавить меня от засевшей в позвоночнике боли.

Так продолжалось, как мне сказали потом, почти трое суток.

Потом я заснул, потому что обессилел настолько, что у меня не хватило сил больше ни на что. Как только боль начала отступать, я ушел в счастливое забытие.

* * *

Нельзя сказать, что в момент пробуждения я чувствовал себя прекрасно. Температура, нудящая боль в позвоночнике, к которой добавилась еще и боль в ногах, словно я их отсидел и теперь к ним возвращалась кровь.

После пробуждения меня несколько раз подряд стошнило, хотя лично я грешил уже не на боль от «Ходока», а на то, чем меня пичкали после него. Я выблевал все, что смог, и тут же уснул опять.

Лишь мое второе пробуждение можно назвать настоящим.

Я открыл глаза. На меня уставился один из лаборантов-медбратьев.

– Ожил, – чуть наклонив голову, сказал он в микрофон у подбородка. – Вроде стабилен. Развязываю? Хорошо, не буду, дождусь.

– Да ладно, развязывай, – буркнул я. – Кусаться не буду.

Лаборант колебался.

Спорить и убеждать я не стал.

– Попить тогда дай. Как там результаты, понятно?

– Так сейчас и проверим, – ответил парень, прикладывая к моим губам спортивный баллончик с водой. – По приборам такие вещи не выявляются. Либо пойдешь, либо... как было.

После того, что мне пришлось вынести, почему-то я полностью верил в то, что пойду.

Народ набежал минутой позже.

– Буянить не будешь? – опасливо спросил врач, заставляя меня задуматься, что же я не помню из прошедших суток.

– Не должен вроде, – подражая его интонации, так же опасливо ответил я. – Давайте попробуем?

– Да рисковать как-то не хочется, знаешь... – Врач все же подошел поближе и начал развязывать первый ремень. – Ты тут в одного умудрился вцепиться даже привязанный. Чуть кисть ему не сломал. Хорошо еще, что мы тебе лишь нецелевые усилители вкололи. А если бы кто додумался что-нибудь из блока «Али» тебе подсунуть? Ты тут всех порвал бы, полагаю. Говорил же, надо «Мандрагору» испробовать. Хоть полегче было бы.

– Как знать, – ответил я, освобождая руки. Лично я не верил, что хоть что-то могло спасти от той боли, что я испытал. И даже ее уменьшить. Мне казалось, что это невозможно. Лишь одно воспоминание об этой боли – и меня тут же тянуло попросить еще таблетку чего-нибудь покрепче.

Пока я разминал затекшие руки, окружающие освобождали меня от пут. Ноги, туловище.

– Только не спеши, – в конце концов сказал врач. – Ковылять ты мог и до этого, может, поначалу будет хорошо, если просто повторишь. Не спеши. Аккуратно. Будет больно – сразу говори. Надо дать бланку полностью ассимилироваться, восстановить поврежденные связи. Не спеши.

Я не спешил. Тихо, с поддержкой с обеих сторон, встал – и постепенно перенес вес на ноги. Сделал шаг, другой, третий.

Я мог ходить, это факт. Более того, я ходил точно так же, как и раньше, до болезни.

«Ходок» сработал.

Мы отметили это очень бурно. Только мой статус «выздоровливающего» ограничил объем выпитого мной медицинского спирта тем вечером.

Врачей же не ограничивало ничто.

Лишь количество ими выпитого показало мне, как они за меня волновались.

Хорошая лаборатория. Милые, заботливые люди. У которых оставались силы за кого-то переживать, волноваться. Помогать не просто по инерции.

Лаборатория, где меня подняли на ноги, находилась в одном здании и являлась частью медицинского центра корпорации. И разделила его судьбу.

Глава 5

– Хлипковат ты для штурмовика, – пробормотал Петр Семенович, явно кого-то цитируя. Он обошел вокруг меня пару раз, прежде чем выдал это заключение.

– Пока ты сидел в коляске, выглядел как-то посolidней, – счел необходимым добавить он после того, как закончил осмотр и вернулся обратно к своему столу. – Садись.

Для меня его придирки были лишь пустым звуком. Я стоял, на своих ногах. Да что там – я на них даже ходил, даже на днях пробовал бегать! А в остальном я оставался ровно таким же, каким меня уродили. Хлипкий? Так безопасник не видел моих трехочковых. И вообще – хлипкий для чего? Для какого штурмовика?

Пока что я не знал ничего о том, что он собирается мне предложить.

Словно ловя эхо моих мыслей, Петр Семенович сказал:

– Нет, конечно, можешь продолжать работать на складе, никто не гонит. Да садись уже, налюбуйся еще на свои ноги, надоесть успеют. Но по тому, как ты вел себя на складе и до этого, когда тебя попытались прессануть, мне кажется, что тебе прямая дорога к нам. Думаешь, я не знаю о твоём «граче», что лежит на охране? Раскрою тебе первую тайну нашей службы: на охране нельзя оставить вещи просто «полежать». Все, что ты оставишь – мобильный, сумку, что угодно, – будет проверено. А на мобильный могут и жучка подсадить. Нам, как сам понимаешь, это легко.

– «Викинг», – поправил его я. – На охране лежит «викинг».

– На охране лежит «грач», – невозмутимо ответил Петр Семенович, – Который, возможно, тебе впарили по двойной цене как «викинг». У «викинга» регулируемый прицел, ну и по мелочи.

Пришлось пожать плечами. Зря открыл рот. Понятно же, что поправлять специалиста глупо. К тому же я что, планировал подловить его на ошибке? Зачем?

– Идет набор в подразделение оперативной охраны. Не путай с ребятами на входе и теми, что были с тобой на складе. Это скорее наша маленькая корпоративная армия. Хотя иногда они и ходят на обычные вахты, охранять склады и тому подобное. Но чаще – все-таки занимаются более серьезными вещами. И более опасными.

– Это те, что были с вами на складе? – спросил я. Мог и не спрашивать: кто же еще?

– Нет. – Ответ удивил меня вдвойне. – До тех, что прилетели на склад, тебе еще далеко. Это наш спецназ, группа быстрого реагирования. Впрочем, как пойдет. Может, попадешь и к ним. Туда набирают как раз по результатам школы.

– Школы?

– Ну конечно. Учебки. Трехмесячные курсы молодого бойца, все как полагается. Если национальная армия не способна сделать ничего, то мы должны иметь собственную. Которая как раз может решать любые проблемы. Так как?

Я пожал плечами. Если честно, мне было все равно. Особого желания становиться под ружье, пусть и в частном секторе, я не испытывал. Но и просиживать джинсы на складе мне тоже не хотелось. Тем более теперь, когда я мог бегать.

– Почему бы и нет? – ответил я наконец. – Паск хоть дают?

– Дают, – усмехнулся Петр Семенович. – И паск дают, и зарплату. И мозги промывают так, что не в каждой армии такое встретишь.

* * *

Нельзя сказать, что я проработал в корпорации достаточно долго, чтобы знать о ней все, но все же некоторые пласты ее деятельности, неожиданно обнажаясь, продолжали меня удивлять.

Собственная армия, собственные полицейские силы, собственный спецназ. Даже для крупнейшей корпорации это казалось... лихо. Впрочем, вспоминая все последние конфликты как на континенте, так и за океаном, действительно можно было с уверенностью сказать, что официальные органы власти давно уже не справляются с тем количеством проблем, которые сыпались со всех сторон.

Страны практически не осталось. А значит, и армия становилась условностью. Вовсю говорили о том, чтобы переподчинить армейские подразделения секторам, по месту их дислокации. Это хотя бы позволяло хоть как-то применять вооруженную силу в случае возникновения конфликтов, вспыхивающих ежедневно. Применять оперативно, сообразно ситуации на местах. Сейчас попытки удержать контроль по-прежнему делались из центра. К мнению которого отдельные сектора прислушивались все меньше и меньше.

Центр не мог ничего реально контролировать. А значит, все больше скатывался в позицию «английской королевы». Когда все вежливо признавали существование центральных властей, но так же вежливо игнорировали их распоряжения.

Конечно, я понимал, что кое-какие парни с оружием у корпорации есть. Охранники там, отряды быстрого реагирования... Но чтобы практически регулярная армия...

Масштаб происходящего я осознал только после того, как прибыл на учебную базу корпорации. Таксист с трудом нашел КПП под городом, в паре десятков километров от него, в лесу. Совсем глухом, таком, что оставалось только удивляться наличию наноасфальта, проложенного между деревьями. Отличная дорога, новехонькая, и ее появление здесь говорило о многом. Даже не все федеральные трассы могли похвастаться таким покрытием, стоящим в десятки раз дороже укладки обычного асфальта. Зато – практически вечным.

Но на КПП лесную идиллию развеяла вооруженная охрана из десятка человек в форме корпорации, чем-то напоминающей армейскую. А внутри, насколько можно было разглядеть, все выглядело как полноценная воинская часть. Взвод солдат бежал по плацу, другой – занимался на полосе препятствий. Под тентами кто-то сидел, стоял, бегал, работал за компьютерами.

Даже беглый взгляд позволял понять, что на этой базе под тысячу новобранцев.

Какова же «карманная» армия корпорации в числе, если только в учебке столько народу?

* * *

Похоже, меня опознали еще у входа, с камер, потому что никто не задавал мне вопросов, не требовал документов.

Меня просто посадили рядом с еще несколькими такими же, прибывшими в нужный час в назначенное место. Но даже ждать долго не пришлось. Как только собрались, по всей видимости, все, кого ждали, нас тут же провели в следующее помещение, абсолютно пустое.

– Пока что я ваш сержант, нубы, – представился встретивший нас парень. – Построились в шеренгу, все вещи, что с собой, вывалили на пол. Все вывалили, без исключения.

Пока мы выкладывали перед собой пожитки, он продолжал говорить:

– Две недели считайте испытательным сроком. На этот период вы считаетесь гражданскими. Вас будут щадить, с вами будут обращаться бережно, чтобы, не дай бог, корпорации не пришлось потом вправлять вам вывихи, лечить переломы и сотрясения мозга. Но не обо-

лыщайтесь – первые две недели пройдут быстро. Кто сумеет показать себя мужчиной, а таковых по статистике оказывается лишь один из троих таких нубов, – вот тот на самом деле почувствует всю прелесть службы. Прежде чем вы станете солдатами корпорации, за три месяца вас превратят в фарш. А затем, возможно, слепят из него что-нибудь вкусненькое. И полезное. Да, думаю, что-нибудь полезное.

– А ботами когда накачают? – спросил один из вновь прибывших. Слишком молодой, чтобы уметь скрывать свои желания.

– Ну что же, – улыбнулся сержант. – Вот с тебя и начнем.

Полностью проигнорировав вопрос, он подошел к небольшой кучке вещей, разложенных перед парнем.

– Возьми коробку, – сержант подозвал стоящего позади рядового, и тот подал новобранцу картонную коробку. – Напиши на ней свое имя. Это что? Ножницы? В коробку. Футболка? Чистая хоть? В коробку. Трусы? Ну, ты смешной, еще и несколько пар. В коробку. Клей? Да ты сдурел? Приехать к нам с клеем? И думаешь, я его пропущу? На пол бросай.

Сержант надавил каблуком, раздавив тубик и заставив клей растечься по поверхности. Не обращая внимания на клейкое пятно, он продолжал:

– Бритва? Возьми. Зубная щетка? Возьми. Носки? Какие носки? Теперь ты в армии, сынок, в коробку. Журнал? Хоть тетки голые есть? Это я заберу, если ты не против. Может, потом верну. Ты же не против, гражданский? Я так и думал. Ноутбук? В коробку. Да мне до лампочки, что он дорогой и капризный. В коробку. Или можешь забирать свое заявление, разворачиваться и на выход.

Сержант отошел от бедолаги, оглядел остальных и спросил:

– Всем понятен принцип? Взяли по коробке и быстро сложили туда все, что вам не пригодится на базе. Остальное – к досмотру. Коробки будут ждать первой вашей нубской ошибки. И последней, потому что у меня нет ни малейшего желания нянчиться с гражданскими. Еще меньше желания у меня нянчиться с солдатами, но тут уж выбирать не приходится. Но если солдата я не могу просто так вышвырнуть за территорию учебки, то гражданского – легко! Это всем понятно? Не слышу.

Он, по классике голливудских боевиков, слегка потренировал нас правильно отвечать командиру. Надо признать, действительно слегка. Похоже, ему и правда было лень хоть чему-то учить тех, кто еще не подтвердил своего статуса.

С вещами мы разбирались еще минут пятнадцать.

У меня осталась зубная щетка, паста и одна фотография, где мы с родителями сидели у аквариума, в котором плавали огромные рыбы. Мне на ней было девять. Фотография, сделанная давным-давно, когда я верил, что счастье достижимо.

Тогда моя вера, возможно, была истинной.

Пистолет, конечно, у меня изъяли. Его даже не положили в коробку к прочим вещам, а описали и унесли в другое место.

– Поверь, – доверительно сообщил мне сержант. – С оружием у нас проблем нет.

* * *

То, что сержант назвал испытательным сроком, оказалось на редкость скучным мероприятием. Врачи, потом врачи, затем опять врачи. Казалось, нас отбирают не на пушечное мясо для корпорации, а в центр подготовки космонавтов. Которого, по слухам, уже и не существует. Давно что-то я не слышал, чтобы хоть кого-то отправили на орбиту – хотя бы просто для того, чтобы доказать, что еще на это способны.

Сначала у нас просто взяли анализы. Все, что смогли. Я видел, как врач одобрительно кивал, глядя на мою карту. Еще бы, после лаборатории, где моим ногам вернули подвижность,

я, можно сказать, представлял собой образцово-показательный экземпляр современной наномедицины. Все новехонькое, с иголки, последние модели ботов, последние модели прошивок.

И, что мне нравилось даже больше, никаких излишеств. Наверное, это отношение осталось у меня от отца. Тот тоже тянул до последнего, прежде чем согласился, чтобы ему и его семье ввели хоть какие-то, пусть и самые невинные, бланки. А про генетические модификации организма при нем вообще не стоило даже заикаться.

После первичной проверки, которую вроде как прошли все вновь прибывшие, пришла пора нагрузочных тестов. Так их называли те же врачи. Это означало, что полежать под каким-нибудь прибором удавалось все меньше, а бегать, опутанным при этом проводами, приходилось все больше.

В общем, ничего близкого к тому, чего бы я ждал от военизированной учебки. Никаких тебе подъемов в шесть утра и обливаний холодной водой. Отнюдь. Нас вообще расселили в комнаты по два человека, если уж на то пошло. И вставали мы часов в семь, не раньше. Где-то звучал горн, по-моему, не настоящий, а лишь из динамика, что означало общую побудку на базе. Но и после горна к нам не вбегал сержант, не требовал одеться за сорок секунд, не заставлял нас прыгать по командам «подъем – отбой».

Горн всего лишь означал, что пора вставать. Я все время думал, что было бы, если остаться при этом в постели. Когда твое «непослушание» заметят, и заметят ли вообще? Но экспериментировать мне не хотелось, соседу, похоже, тоже, поэтому сия тайна так и осталась покрытой мраком.

Сосед оказался старше меня лет на пять. И тяжелее килограммов на сорок. В общем, солидно выглядел, внушительно. Очевидно, что, как и многие люди его комплекции, он оказался добродушен и нетороплив. Это мы, недороски, злые и резвые. Ему-то зачем?

– Виктор, – протянул он руку в первый наш день, как только нам показали, где устраиваться.

– Юрий, – ответил я.

Два единственных слова, которыми мы тогда обменялись в первый день. Нельзя сказать, что Виктор был неразговорчив. Но – точно не словоохотлив.

К концу первой недели, наконец, начало сказываться отсутствие физической нагрузки все то время, пока я проезжал на коляске. Я понимал, что ничего особенного пока меня делать не заставляют, но все равно начал уставать. Приходил вечером с очередного цикла тестов, валился на кровать и засыпал.

Сосед лишь удивленно на меня смотрел, но не говорил ничего. По нему вообще казалось, что он заскучал от недостатка ежедневных нагрузок. Может, так оно и было на самом деле.

Врачи не спешили делиться с нами выводами о нашем здоровье. Кое-что начали показывать лишь на десятый день – и то весьма странным образом.

* * *

Я ввалился в комнату с твердым намерением улечься спать, даже не раздеваясь. Всю дорогу от очередного велотренажера, который к вечеру сменил беговую дорожку, мои мысли крутились вокруг ключевого вопроса этого вечера: напрячься и снять армейские ботинки, которые нам выдали, или же заснуть прямо в них? По поводу остальной одежды подобных мыслей у меня даже не возникало – я твердо знал, что раздеваться не буду. Нет сил.

Конечно, мысленно я пообещал себе, что лишь чуть-чуть посплю, а с утра переоденусь во все чистое, приму душ, почищу зубы.

Сложно посчитать точно, но, по-моему, пару таких обещаний поутру я благополучно забыл.

Заснуть я не успел.

– Можно с тобой посоветоваться? – раздалось с соседней койки. Возможно, это были и не первые слова моего соседа после нашего знакомства, но точно одни из немногих. Похоже, ему действительно важно было с кем-то поговорить.

– Давай, – вздохнул я и сел на кровать, вместо того чтобы на нее лечь. Раз уж заснуть сразу не удавалось, то я начал неторопливо снимать ботинки, одновременно подумывая, не снять ли, наконец, одежду, раз уж возникла такая оказия.

– Мне сказали, что у меня пролапс митрального клапана, – с ходу заявил Виктор. Слегка подумав, он поправился: – Сказали, что для обычной жизни – ничего страшного, нужно просто наблюдаться. Но посоветовали больше тяжестями не увлекаться. Вот.

Я осторожно кивнул. Интересная информация, но я пока не видел поля для обсуждения, советов и рекомендаций. Видимо, Виктор сказал еще не все.

Виктор тоже помолчал какое-то время, а потом добавил:

– Сказали, что в таком виде мне служить нельзя. Только если со специальным бланком. Там всего с десяток ботов, полностью контролирующих работу сердечной мышцы и клапанов. Но говорят, что опасно. У бланка смертность до ста случаев... на десять тысяч. Его даже из магазинов отзывали: слишком много смертей. Еще они мне список дали. Семь разных бланков помимо этого, самого опасного. В совокупности, они посчитали... насчитали почти две сотых на то, что я не переживу ассимиляции. Врач мне посоветовал не ввязываться. Сказал, что слишком опасно. Отправил думать.

– А если ты откажешься? – спросил я. – Что будет?

– На все четыре стороны, – пожал плечами Виктор. Кровать под ним при этом жалобно заскрипела. – В силовое ведомство корпорации я не гожусь. У них свои правила.

– Да... неслабо, – протянул я. – Так и не ввязывайся. Тебе так хочется служить в маленькой частной армии? Или просто хочется служить? Тогда иди в настоящую армию, там наверняка требования послабее.

– Может, – Виктор вновь пожал плечами. – Хотя сейчас во всех частях проверки либо врачи от «Наноздоровья» проводят, либо от «Генной логики». Где как договорились. Может, конечно, они не так придираются. Но я сюда хотел. Что мне еще делать? Ты же видел, что в городе творится? Либо к бандюгам пристраиваться, либо в армию. Таким, как я, просто тихо посидеть нигде не дают. Все хотят либо на мне потренироваться, либо к себе затащить. А когда не получается, то опять – ножи, пистолеты, угрозы. Устал.

Я покивал. Его ситуация казалась понятной. Не сказать, что я когда-то переживал нечто подобное, – меня в банды никогда не звали, но положение Виктора легко было представить.

– Так вот и хочу посоветоваться, – сказал он. – Глупость, может. Но вот ты бы как поступил на моем месте?

Я вспомнил «Ходока». Какой там один процент. В период ассимиляции мне казалось, что я сдох тысячу раз. Хотя, если подумать, я бы все равно лег под ту капельницу опять. Но я не мог ходить – насколько ситуацию Виктора можно сравнить с моей?

– Тяжко, – признался я. – Ты пойми, мне эта армия до лампочки. Пока что, во всяком случае. Может, потом мозги промывают и я ее сильно полюблю, но пока... С другой стороны, мне и терять нечего. Один остался, семьи нет, родители умерли. С этой стороны – я бы, может, и рискнул. Тем более если с сердцем что-то. Ты же теперь об этом знаешь. Всю жизнь бояться будешь. Точно – я бы рискнул. Хоть и опасно. Только я – это я. Ты бы лучше сам решил.

– У меня тоже семьи нет, – нашел сходство между нами Виктор. – Давно родители умерли, в аварии. И ни жены, ни детей. Да, бояться я точно не хочу.

– Ты подумай. Не спеши. Может, оно того и не стоит. Подумаешь, лишний блин на штангу не наденешь, – так не в этом счастье.

– А в чем? – тут же спросил Виктор. – Я и не знаю. Хотел просто – чтобы со своими вокруг. Чтобы не думать каждый день, кто тебя вечером в подворотне ждет «на поговорить».

Я видел, что решение он уже принял. И его выбор меня не радовал. Особенно меня не радовало то, насколько я повлиял на чужое решение. Дай бог, он не окочурится с бракованными ботами у сердца. Мне только этого довеска на совесть не хватает.

– Ты не спеши, – повторил я. – Подумай, прикинь.

Раздеться я так и не разделся. Хорошо, хоть ботинки снял.

Через минуту я уже спал. Лишний груз на душе, может быть, и тянул, но спать хотелось все равно.

* * *

– Очень неплохо, молодой человек. Очень, очень неплохо, – заявил мне врач. – Отменное здоровье с точки зрения... здоровья. И мои коллеги, похоже, вас неплохо загрузили. Все самое новое, самое надежное. Кроме, конечно, вашего любимого «Ходока», но тут уж, как я понимаю, либо пан, либо пропал. Здоровье у вас отличное...

В его словах чувствовалось очень большое «но», и я сразу насторожился.

– Да... отличное здоровье. Вот только хиловаты вы. Мышечная масса, вес. Явная склонность к простудным заболеваниям, хотя, похоже, все детство вы закалялись, так что в рамках фенотипа вы сделали максимум. Рост опять же. Хиловаты вы для воина, сами не думаете?

Я лишь пожал плечами. Вопрос явно не требовал ответа. Если бы я так думал, то меня бы здесь и не было. По поводу трехчковых вспоминать не хотелось. Что им тут мои баскетбольные достижения? Да тут, наверное, через одного чемпионы. Еще и накачанные ботами так, что и к соревнованиям давно уже перестали допускать.

– Ну да, ну да, – покивал врач то ли моим, то ли своим мыслям. – С другой стороны, вроде как не со стороны идете. А раз вас из безопасности порекомендовали, значит, тоже о чем-то думали.

– Шустрый я, – буркнул я, лишь бы сказать хоть что-то. Я сам неожиданно оказался чуть ли не в той же ситуации, что и Виктор. И вдруг понял, что не хочу обратно в город. В пустую квартиру, в темные подворотни, которые все реже оказывались освещены, не хочу возвращаться к прошлому. Что бы ни было впереди, оно казалось предпочтительней того, что осталось позади.

Так я думал.

– Да, точно, шустрый, – вновь закивал доктор. – Это верно подмечено. Но я так скажу: в охране вам будет неинтересно, в штурмовые группы – точно не возьмут, вы бы видели тех детей, что там служат. Можно попробовать лишь в специальные подразделения, но в них и набор разовый, и далеко не всегда вообще хоть кого-то берут.

– А эти чем занимаются? – с легким подозрением спросил я. Отдельный спецназ в частной армии – это казалось слишком даже для корпорации.

– Да все тем же, – махнул рукой врач. – Просто не всегда сила все решает. Иногда, как вы говорите, шустрым быть важнее. Ну и умным. В общем, в учебку я вас пропущу, но учтите – если на выходе вас все вербовщики забракуют, то пойдете в охрану. И деваться будет некуда, потому что контракт подписывается сейчас, а куда вы попадете – узнаете только потом.

Я пожал плечами, соглашаясь.

По мне – охранять какой-нибудь из магазинов корпорации на отшибе тоже было неплохим занятием. Все лучше, чем ездить в коляске.

* * *

Нас тренировали. Я ожидал вначале тупой армейской муштры, но оказалось даже интересно.

Муштра, конечно, тоже присутствовала, но отнюдь не в смертельных дозах. Например, теперь мы жили в казармах по двенадцать человек, повзводно. И тренировать наш взвод начали прямо с момента, как мы положили свои вещмешки на кровати.

– Это ваш взвод, родной и любимый, – сказал в первый же день сержант, опять новый. – Ровно на две недели ваш. Через две недели – ротация. Новая комната, новый взвод, новые соседи. Нам нужно, чтобы вы умели работать в разных ситуациях, умели срабатываться с разными людьми. Но нам не нужны тут сопли, дружба семьями и прочая ерунда! Те, что живут с вами, – должны помочь вам на тренировках так, как помогли бы вам в бою. Но не считайте их друзьями. Они – лишь ваш взвод. А вы – пушечное мясо. На эти две недели – мое пушечное мясо. Вопросы?

Похоже, что вопросы отучали задавать в первую очередь. Все молчали.

– Тогда на занятия... бегом... марш! Стоять! Это было слишком медленно! Упор лежать... принять. Двадцать отжиманий! До пола. До пола, я сказал. Кому-то надо помочь, солдат?

Это он обратился к моему соседу по отжиманиям, который, похоже, слишком уж сильно отключил задницу вверх, чтобы уменьшить нагрузку. Вряд ли сосед не способен на двадцать отжиманий, вроде как он вполне в форме. Либо рассчитывает на то, что таких вот отжиманий будет еще очень много, и заранее готовится к длинному забегу по этой дистанции, либо просто проверяет, насколько далеко можно зайти в вольностях с новым сержантом. Возможно, конечно, и просто не умеет отжиматься.

Обо всем этом я думал вскользь. Не сосредотачивался и на отжиманиях. Чего тут такого, двадцать раз – даже с больными ногами я отжимался много, благо ноги тут в ход не шли. А уж сейчас, с ногами, да еще после двух недель проверок, я чувствовал, что постепенно вхожу в форму.

– Встали! Быстрее встали! Я так понимаю, что вы встаете медленно, потому что вам понравилось? Люблю, когда солдатам нравятся физические упражнения. Не могу им отказать в их желаниях. Упали снова, двадцать отжиманий! Быстро! На счет, не отстаем.

Я же говорю, мне нравилось. Чувствовать свое тело заново в норме, держаться наравне с остальными. Я уж и забыл, как это бывает – не отставать ни в чем от других. Не ловить взглядов, направленных на твои ноги, а не на тебя. Плохое быстро забывается. Быстро, но весьма болезненно.

* * *

– Охрана – это то, чем вам всем придется заниматься, – вещал преподаватель. Из «офицеров», судя по всему, хотя формальных званий выше старшины здесь никто не имел. Только какие-то должности в службе безопасности корпорации. О которых они тоже не распространялись. Наши преподаватели не всегда даже представлялись, когда вели занятия.

– Придется заниматься, даже если вы попадете в специальные подразделения. Охрана – это часть нашей работы, это наша суть. Если хотите, вся наша служба создана только для того, чтобы охранять. Хотя иногда эта охрана превращается и в наступательные акции. Но моя задача сегодня более простая и более узкая. Обсудим обычную охрану. С азов. Допустим, вы стоите на входе в офис или в магазин. Перед вами рамка и просветка. Никакого пропускного контроля или проверки документов на входе, хотя нам сейчас это не так важно. Нам важна

фильтрация – выбор потенциально опасных объектов из толпы, непрерывно идущей мимо вас. Модель понятна?

Я кивнул вместе с остальными. Так как мы сидели и сержанта рядом не было, то вскакивать и заявлять «так точно, сэр» было как-то глупо. Тем более что эсбешник явно этого и не требовал.

– Начнем с простого. Ошибочно считают, будто выявление потенциального убийцы, самоубийцы или даже террориста требует от охранника специальных навыков. Выразусь точнее – навыки, безусловно, нужны, но это отнюдь не сакральные знания, которыми могут обладать только некие особо одаренные люди. Итак, правило хорошего охранника номер один – на работе не отдыхать, не спать и не зевать. Смотрим первый эпизод.

Офицер без звания опустил экран и включил проектор.

Запись сильно походила на те условия, которые он описал изначально. По всей видимости, офис корпорации, запись велась откуда-то чуть сверху, из глубины холла. Я заметил буквы, вензель «НЗ» на стекле панорамного окна у входа. Две рамки, сканер для сумок. Два охранника с этой стороны зоны досмотра, видны были только их затылки, но не лица. Качество записи позволяло даже видеть экраны, на которых высвечивались данные с рамок и с ленты сканера.

– Три минуты записи. За это время мимо охранников пройдет мужчина или женщина, который, которая, не предъявляя никаких требований, подорвет еще через пять минут внутри здания пояс шахида. Смотрите. Вам надо выписать всех, кого из входящих вы бы проверили, прежде чем пропустить дальше.

Кто-то из взвода поднял руку. Лектор кивнул.

– А детекторы как же?

– Никак. Детекторы не сработают. Ни рамка, через которую объект пройдет, ни даже то, чего вы здесь не видите, потому что основные приборы мы вообще не светим. Рамки – это так, для острастки. Но не сработал ни входной детектор взрывчатки, ни тепловой сканер. Ничего. Пока я говорю, люди заходят внутрь, и я бы на вашем месте смотрел не на меня, а на экран. Записывайте всех, кого вы хотите остановить. Кто вам кажется подозрительным.

– Пока вы пишете, – эсбешник убедился, что все смотрят на запись, а не на него, и лишь после продолжил: – добавлю, что недавно мы подключили ко всем камерам специальную программу, постоянно обрабатывающую запись и отмечающую подозрительные объекты. Так вот, даже эта программа, от которой никто многого не ждал, по данной записи выявила самоубийцу. Надеюсь, вы окажетесь не хуже.

Все вперились в экран, придирчиво осматривая каждого, кто входил в здание.

За три минуты под камеру попали двадцать семь человек. В среднем – один за шесть с небольшим секунд. Ни много, ни мало. Я понимал, в чем подвох: мы смотрели всего лишь трехминутную, по заверению офицера, запись, охранники же стояли здесь явно давно. Они о чем-то тихо переговаривались, периодически вообще не глядя на тех, кто входит внутрь. Это можно было принять за специальную подготовку, за то, что они умели вылавливать из потока опасность даже периферийным зрением, но мы оказались осведомленными зрителями – мы знали, что это не так.

Почти половина из взвода записывала чуть ли не каждого второго из входящих. Это легко было определить по тому, как шуршала бумага. Еще одна ошибка. Я с ходу понял, что это явно не решение – проверять каждого, создать очередь на входе, в которой тут же возникнет не меньше опасностей, чем если пропустишь объект внутрь. К тому же – можно устроить шоу на три минуты, но открытое и действующее учреждение не может устраивать непрерывную проверку всех с утра до ночи.

Возможно, для кого-то это и допустимо, но точно не для офиса производственно-торговой корпорации. Какой-нибудь военный объект – да, может себе позволить хоть на пол класть каждого нового гостя. Мордой вниз.

Я всматривался в лица. Пытался увидеть какое-то особое выражение, растерянность или, наоборот, героическую решимость. Я смотрел на руки, как люди их держали, особо внимательно разглядывал тех, кто проходил в запахнутых наглухо куртках.

Но все оказалось проще.

Женщина, прошедшая мимо рамки, старалась держаться в потоке. Но ее ритм движения отличался, взгляд блуждал, правая рука вообще не покидала кармана куртки, нарочито просторной.

Кто-то позади меня не выдержал:

– Так вот же она, – изумился он простоте загадки. – Вот, в куртке тетка входит.

Лектор остановил запись:

– Кто еще так считает?

После того как мы все, или почти все, подняли руки, он сказал:

– В следующий раз я прошу все-таки быть более терпеливыми, это еще одно немаловажное качество для тех, кто занимается охраной. Хотя в данной конкретной демонстрации это не так важно. Действительно, эта женщина взорвала себя в офисе чуть позже, погибла сама и забрала с собой пятнадцать сотрудников и троих гостей. Как показало расследование, у нее не так давно умер сын. Умер из-за непереносимости к бланку, который он себе ввел. Такое бывает, редко, но бывает. Наша компания фактически оказывает медицинские услуги, а это всегда связано с неким риском для жизни пациентов. Мы можем стараться его уменьшить, но не можем его исключить полностью. В записке, что нашли у нее дома, женщина обвинила во всем корпорацию. Нашла на черном рынке новейшее взрывное устройство, за которое расплатилась всеми деньгами, что у нее оставались, и утащила за собой в могилу восемнадцать человек. Тоже чьих-то детей, матерей и отцов, кстати.

Но я не об этом. Как вы видите, выявить ее не составило особого труда. Более того, я бы сказал, что труд бы составило ее пропустить. Давайте я на десяток секунд отмотаю назад. Посмотрим, чем занимаются в этот момент так называемые охранники.

Все то время, что женщина проходила внутрь, охранники лениво рассматривали что-то снаружи здания через стекло рядом со входом. Один что-то сказал другому, и они оба смотрели наружу, о чем-то переговариваясь.

– Бич любой охраны – это скука. Вы можете легко выявить террориста в трехминутном ролике, но вам приходится стоять на посту по часу, по два, и ваше внимание начинает переключаться на что-то другое. Расследование позже показало, что ребята просто увидели паркующуюся неподалеку машину. Как раз такую, что хотел купить один из них. И все. Прозевали смерть кучи людей.

– А если бы они ее остановили, то, скорее всего, погибли бы сами, – буркнул кто-то.

Лектор не стал выяснять, кто именно.

– Точно, – кивнул он. – Но это наша работа. Быть пушечным мясом. Отборным, обученным, мускулистым и пуленепробиваемым, но – пушечным мясом. Если бы в тот момент эти двое успели перехватить ее, то погибло бы всего несколько человек. А может, и никто, если бы они сумели переброситься с ней хоть парой слов. Кто знает? Это наша работа – защищать, охранять, если надо – умирать. Иначе – лучше рвите контракт и идите работать куда-то еще. Вы согласились умереть с того момента, как появились здесь. Это понятно, бойцы?

Лектор медленно краснел. Внешне он оставался спокоен, но я видел, как он мнет в руке пульт от проектора. Как багровела его шея.

Когда в ответ на его вопрос из зала послышались лишь нестройное бормотание, он рявкнул:

– Не слышу! Это понятно, бойцы?

Я догадался, как следует действовать, вместе с большинством остальных. Мы вскочили, и рявкнули в ответ:

– Так точно! – стоя навывтяжку, изображая из себя настоящих громил корпорации, а не каких-нибудь там гражданских сопляков.

– Я все еще не слышу, бойцы! Это понятно?

Теперь вскочили уже все:

– Так точно!

– Кто вы такие, бойцы?

– Пушечное мясо! – это было действительно нестройно. Похоже, с подобным сравнением далеко не все еще успели свыкнуться. Срастись, прочувствовать.

– Не понял вас, бойцы. Кто вы такие?

– Пушечное мясо!

На шум в комнату ворвался наш сержант, который, похоже, предпочитал отлынивать от занятий где-то неподалеку от взвода.

– Сержант, как никогда вовремя, – абсолютно спокойно произнес эсбешник. – Мы как раз закончили – надеюсь, вы сумеете продолжить со своими подопечными дальше без меня.

– Так точно! Взвод, из учебного класса, за мной, бегом, марш!

Можно сказать, сержант нас спас.

С непривычки половина из нас наверняка сорвала бы глотки, пытаясь справиться с неожиданным всплеском ярости лектора.

* * *

– Тактический бой в городских условиях – это всегда статистика. – Новое место, новый инструктор. Только на этот раз сержант не ушел. Сержант оставался с нами – видимо, даже ему новая лекция казалась интересной. – Я не смогу научить вас какому-то чудесному трюку, который обеспечит ваше безусловное выживание. Ваше личное или хотя бы группы. Но что вполне можно сделать – это повысить ваши шансы. В условиях города, в особенности если вы ведете бой в закрытом помещении, у вас всегда есть две крайности – рассредоточение, одиночный поиск, с одной стороны, или концентрация огневой мощи в единый кулак – с другой. И то, и другое возможно. К сожалению, в реальном бою, а не в фильмах, все не так красиво. В чем минус огневого кулака, кто может сказать?

Все молчали. Минусов, вот так вот с ходу, не видел никто. По моему мнению, если на тебя прет враг и ты стреляешь в него из всех стволов – это всегда лучше, чем если ты стреляешь один. Как-то веселее и больше шансов его остановить.

– Сержант, может быть, вы подскажите вашему взводу?

Сержант замялся. Видимо, он не случайно пришел на это занятие. Ему тоже было чему учиться. Потом он все же высказался:

– Легкая мишень для гранаты?

– Точно. Для гранаты, гранатомета, длинной очереди из пулемета, особенно закрепленного, и даже для автомата. Когда вас много в одной куче – вы не только можете палить во все, что движется, из всех стволов, – в вас тоже могут стрелять. И очень сложно промахнуться, когда вас много. В кого-нибудь попадут. Если будут стрелять кучно, то положат сразу всех. Теперь дальше. А в чем минус одиночных заплывов?

– Может оказаться, что не хватит как раз той самой огневой мощи, – негромко произнес я. Раньше, чем успел подумать еще раз.

– Абсолютно верно, – кивнул инструктор. – И хотя я поощряю дисциплину в нашей работе, в данном случае я попрошу сержанта не наказывать вас за самоволие. В следующий же раз вы должны получить разрешение, чтобы говорить на занятии. Это понятно?

Я кивнул.

– Я не слышу, воин! Это понятно?

Ну, тут я уже знал, что делать. Я вскочил с места и проорал что есть мочи:

– Так точно!

– Отлично. И не орите так, пожалуйста. Одно из основных правил ведения уличных боев – это скрытность. Если враг не знает, где вы, а вы знаете, где он, то он уже слабее вас.

– Можно вопрос? – Я решил поговорить сразу, чтобы, так сказать, два раза не вставать.

– Только один, курсант.

– В каких боях мы планируем участвовать? Вроде мы живем в мирное время, и все-таки – не в армии. При всем уважении к нашей службе, господин инструктор.

– Понятно, – кивнул он. – Садитесь, курсант. Это на первый взгляд глупый, но на самом деле очень важный вопрос, который всем следует обдумать. Во-первых, что есть армия? Хотя это и не тема нашего сегодняшнего занятия, все же следует знать несколько цифр. В нашем секторе армейские подразделения составляют около шестидесяти тысяч человек. Плюс техника, но мы сейчас не об этом. Силы безопасности корпорации прямо сегодня, включая и тех, кто сидит в кабинетах, – это около двадцати тысяч. Так что в этом ключе мы вполне сравнимы с армией. У «Логики» цифры похожи – по нашим данным, у них в СБ под двадцать пять тысяч. Мы стараемся, как всегда, брать умением. Полицейские подразделения сектора в последние годы несколько раз усиливались, особенно после всех недавних событий. Сейчас в полиции почти девяносто тысяч. Но у них другой минус – они размазаны по всему сектору очень тонким слоем. Теперь цифры, которые в моем объяснении являются самыми важными. В сектах, бандах и группировках сейчас находится до двухсот тысяч. Я сейчас говорю только об организованных течениях. Не об одиночках, не о паре грабителей на улице, не о шпане, ни с кем не связанной и никому не подчиняющейся. Только о тех, кто хотя бы до какой-то степени организован.

Инструктор прошелся перед столами. Присел на подоконник и выглянул в окно, туда, где по плацу бегал какой-то сильно провинившийся взвод. Давно бегал – поэтому я и сделал такой вывод.

– Мы не занимаемся порядком на улицах, хоть иногда и хочется. Но мы всегда должны быть на месте в следующих случаях: если возникает угроза безопасности имуществу корпорации или кому-то из ее руководства. Я не оговорился, о рядовых сотрудниках речь не идет. Мы не занимаемся лично охраной каждого. Также в ряде случаев мы обеспечиваем информационную безопасность наших разработок, особенно если информация может попасть в руки крупных банд, фактически – сейчас уже частных армий. И третий случай: если нас просят помочь. Иногда об этом просит армия, но чаще – все же полиция. И почти никогда – конкуренты. «Логики» всегда считают, что справятся лучше нас. Я их не виню, потому что я сам такой же.

Он встал и вернулся за свой стол.

– Так вот, чтобы я и дальше мог думать, что мы лучшие в своем деле, позвольте мне продолжить по теме нашего занятия. Мы с вами поняли две вещи: первое – обеспечить ваше бессмертие не сможет никто. Второе – всегда нужно выбирать баланс между огневой мощностью и безопасным рассредоточением группы. Как этого можно достичь? В каждом конкретном случае – по-разному. К примеру, возьмем несколько самых банальных ситуаций. Смотрим.

Инструктор показал на экране картинку. Мультишный вид сверху, где взвод, изображенный лишь как двенадцать черных кружочков, подходил к двери частного дома.

– Очень просто. Дверь, внутри бандиты. Вооружены, но не знают, что мы придем. Это их лежище, они не собирались здесь воевать. Мы взломаем дверь. А вот дальше вопрос – как мы войдем внутрь? По одному? По двое? Все сразу? Кто ответит?

Поднялось несколько рук. Я в этот раз решил потерпеть.

– Да, слушаю.

– Все сразу. Замочим их сходу – и дело с концом.

Инструктор кивнул:

– В общем случае – да, вы правы. Если противник нас не ждет, если огневой контакт еще не произошел, то наиболее выгодная тактика – огненный кулак. Я сейчас не беру возможности проникать через окна, стены, потолки и крыши. Ситуация специально упрощена, но так часто бывает и в жизни. Итак, мы выбрали огненный кулак, и дальше в действие вступает статистика.

Инструктор показал следующую картинку. Теперь на ней были показаны и внутренние помещения. И даже красными кружочками местоположение противника.

– Поехали, в замедленном движении, – сказал он. Картинка задвигалась, «черные» зашевелились, неторопливо ворвались в дверь, тут же застрелили (красные пунктиры на экране) нескольких, что оказались в зоне видимости, дальше мгновенно рассыпались по помещениям, стреляя, убивая всех.

– Такой результат ждет вас, если, конечно, вы умеете стрелять, подготовлены, в семи случаях из десяти. В дело вступает статистика. Еще в двадцати пяти случаях из ста будет следующее, в той или иной вариации.

Мультик поменялся. Начался заново, но пошел немного иначе: кто-то из «красных» успел выстрелить в момент, когда одна из групп врывается в помещение слева. Понятно, что это точно так же могла оказаться и правая комната, но в данном случае – это произошло слева. Боец-кружок остановился, и на нем сверху появился большой жирный крест.

– Как я сказал, так бывает в двадцати пяти процентах случаев. Сейчас, в наше время, оружие есть у многих, и, к сожалению, многие не боятся им пользоваться. Многие стреляют даже раньше, чем видят, куда они стреляют.

– Он убит? – спросил кто-то у меня за спиной.

Инструктор решил не замечать явного нарушения субординации. Так же как и излишней чувствительности курсанта, столь близко к сердцу воспринявшего гибель боевого кружочка.

– Он нейтрализован, а в нашем случае это всегда главное. Мы всегда пользуемся этим термином. В бою не так важно, убит ваш товарищ или всего лишь без сознания. Важно другое – может он стрелять или нет. Если может, то пусть он будет хоть мертвым. Если нет – то у вас минус один. А раненых вы будете спасать после того, как бой будет закончен, не раньше. Только так. Это опять же всего лишь статистика. Задержитесь, промедлите – отправитесь вслед за ним. Выбьют всех... тогда не поздоровится и раненым. Я видел один раз боевой взвод, который подловили фанатики из «Чистых». Не сам взвод, я видел только их головы. Их любезно выставили на обозрение. Когда мы приехали, то нашли только головы. Тел так и не нашли. Похоже, те «Чистые» не прочь были заработать и на продаже органов и эссенций, несмотря на их декларации. Подкрепление опоздало. И той банды мы так и не нашли...

Инструктор сделал паузу, задумавшись. Продолжил чуть погодя:

– Так что стреляйте, пока есть возможность. Перевязывать раны и хоронить друзей можно и позже. Вопросы?

– Разрешите? – поднялся наш сержант. – А еще пять процентов? Я правильно понимаю, что бывает и иначе?

– Да, – кивнул инструктор. – Но вам не понравится. Это те случаи, когда наша разведка оказывается не права. И когда нас ждут. Происходит, например, так...

На картинке взвод вломился в дверь, и секундой позже прямо в проходе раздался взрыв, отбросивший все черные кружочки назад, на улицу. Крестики на них стали появляться сразу, но по одному, словно рисующий еще задумывался, оставить ли в живых этот конкретный кружочек или нет.

Две трети взвода лежало через две секунды после начала операции. Еще четверо оказались под перекрестным огнем чуть позже.

– Это называется полный провал. От которого, к сожалению, никто не застрахован. Конкретно на примере этой модели хочу обратить ваше внимание на пару вещей. Во-первых, когда

вламываетесь в помещение, у входа надо стоять широким конусом. Тогда выстрелы изнутри или взрывная волна, как в примере, заденет меньше народу. Если же вы будете жаться к стенам – то это замедлит ваше продвижение и сильно снизит огневую мощь...

* * *

Через две недели меня ждал новый сержант, другая комната в казарме и пересобранный взвод, в котором не нашлось места ни одному человеку из старого. Первый сержант не врал. Нам не давали одуматься, не давали адаптироваться к ситуации, не позволяли даже начать халавить. Ни в чем. Да я в жизни с такой скоростью не знакомился с таким количеством новых людей за столь короткий промежуток времени.

Нам не давали домашних заданий. Не заставляли повторять пройденного. Не требовали ничего учить. Просто в какой-то момент, через неопределенный промежуток времени, иногда сразу, иногда через час, а иногда и через неделю, неожиданно оказывалось, что те знания, что тебе давались, уже пора применять. Вовсю.

А здесь ведь речь шла не о простом знакомстве типа «привет – привет, я Вася, а я Коля». Чтобы показывать хоть какой-то результат на тренировках, нужно было знать, кто из новых соседей что может, кто на что способен, кто и в чем силен.

И времени все это выяснять нам даже не дали.

– Тренировочный бой. Страйк. Шарик бьет достаточно больно, так что лучше не попадитесь. Инструктор не хочет, чтобы его слова пропадали впустую. Поэтому против вас выступят выпускники. Между ними и вами – разница в десять недель, но поверьте мне, это очень много.

Новый сержант оказался словоохотлив. Чего нельзя сегодня было сказать о нашем инструкторе, том самом, по тактическому бою.

– У вас ровно пятнадцать минут до начала. Понятно, что вы проиграете, но постарайтесь хотя бы оказать достойное сопротивление. Поговорите, договоритесь, кто и что делает. Поле боя – классический коридорный вариант с кучей закутков, перекрестков, маленьких комнаток и сквозных дверей. Сто на сто метров. Есть где повеселиться. Результат оценивается по тому, сколько бойцов противника вы успеете выбить, прежде чем взвод ляжет. Так что не пытайтесь прятаться, это никак не повлияет на счет. Если только вы не найдете укрытия, из которого очень удобно будет стрелять. Вооружайтесь, готовьтесь. Я вас запущу через пятнадцать минут.

Как только сержант отошел, кто-то из моих новых сослуживцев тут же высказался:

– Дерьмо. Нам просто хотят показать, что мы ничего не стоим.

– Конечно, – пожал плечами второй. – Но мы можем показать, что стоим хоть что-то.

– Хуже даже не то, что они выпускники, а то, что они, видать, две недели вместе. Или почти. Они умеют играть в группе, а мы – еще нет.

– Вот и будем учиться, – улыбнулся второй. – Надо только прикинуть, как будем действовать.

В итоге мы решили действовать как можно банальней. Разбились на пары. Одна пара – передовая, вторая – тыловая, прикрывающая и вершащая вездесуде в случае, если выбьют первую. Так что практически мы должны были драться тремя почти независимыми группами, взаимодействие между которыми оставалось весьма условным. Рация, да и все. Но рация в скоротечном тактическом бою мало что дает, это мы все поняли еще в первые две недели.

Как только входные двери открылись, мы сразу заскочили внутрь. Еще одно простое правило – нельзя позволить противнику подловить тебя в узком месте, так чтобы он имел возможность простреливать бутылочное горлышко. Поэтому три группы сразу разошлись в стороны, как только появилась такая возможность.

Я попал в центральную группу, замыкающим во вторую пару. Первым у меня шел тот самый, что лучше всех остальных сумел отреагировать на ситуацию и фактически создать из кучи еще даже не знающих друг друга людей некое подобие взвода, боевой единицы. Уже немало. В нем вообще чувствовались задатки лидера. Думаю, как раз из таких и получают хорошие сержанты.

Раз я шел замыкающим, мне казалось, что я нахожусь в наибольшей безопасности из всех четверых. Конечно, очень слабое, но утешение – надеяться, что тебя выбьют последним.

Это ощущение быстро прошло – как только мы прошли мимо пары перекрестков. Куда уходили боковые проходы, никто понятия не имел, нам не дали даже подобия карты. Лишь один раз, вначале, я увидел соседнюю группу, идущую параллельным курсом, но это не делало возможность фланговых атак менее вероятной. А теперь, когда мы проскочили эти перекрестки, то и тыловых.

Мне приходилось постоянно оглядываться, чтобы попросту не прозевать нападения сзади. Учебное оружие хоть и не убивало, но легко простреливало на максимальную дальность коридоров этой площадки. Так что прозевал атаку – и противник не промахнется. Тут попросту не было достаточно пространства, чтобы промахнуться.

Мой ведущий поднял руку. Первая пара остановилась у закрытых дверей, укрывшись от них по обе стороны. Мы находились, по прикидкам, как раз где-то в середине зоны, поэтому если где и было место максимальной вероятности для столкновения, то именно здесь. Противника, надо полагать, запустили на площадку одновременно с нами, а десять недель учебки не делают человека супербойцом, способным двигаться в разы быстрее остальных.

По-моему мнению, такое невозможно.

Один из первой пары сделал знак, показывая, что слышит впереди движение. Мой напарник кивнул и поднял дуло прижатого к плечу оружия. Мы стояли чуть дальше первой двойки, метрах в десяти, так что дверь простреливалась отлично.

В авангарде один из парней отступил назад и присел, чтобы иметь возможность стрелять, как только дверь распахнется. Второй приготовился ее открыть.

Меня смутило лишь то, что против нас выступали не новички. Если бы мы играли против команды с таким же сроком, что и у нас, я бы еще мог поверить, что все будет вот так легко.

Но этого просто не могло быть. Мы не могли услышать их раньше, чем они нас. А если мы их слышали, значит, они этого захотели.

Вместо того чтобы подчиниться знаку лидера и нацелить оружие на дверь, я развернулся и посмотрел в ту сторону, откуда мы пришли. И тоже приготовился.

Но стрельбу начали не мы. Не наша группа. Первые звуки пневматических выстрелов послышались слева, оттуда, где параллельно нам шла другая группа. И этих выстрелов было немного. Пять-шесть коротких очередей, не больше. Что означало, что развязка там уже наступила.

Парень у двери чуть повернул голову на звук и промедлил с тем, чтобы ее открыть. Я видел это периферийным зрением, продолжая преимущественно глядеть назад.

Дверь открыли за него.

Лидер не стрелял, вовремя увидев, что в проеме никого нет, но второй из первой пары выпустил длинную очередь в пустоту. Впереди никого не было. Только тот, кто открыл дверь и спрятался раньше, чем мы успели его заметить.

Зато сзади появилось сразу трое. Похоже, они шли в той же формации, что и мы, – тремя группами. Если стреляли слева, тут было минимум четверо, да и правый фланг они никак не могли оставить пустовать. Да, надо полагать, по четыре.

Эти трое начали стрелять одновременно со мной.

Я задел лишь одного, тут же оказавшись избит шариками весь.

Но я попал, это точно. Так что теперь мог со спокойной душой лечь на пол, изображая мертвяка согласно правилам тренировки, и ждать, пока инструктор не объявит завершения поединка.

Ждать пришлось недолго, всего-то несколько минут.

Я действительно попал. Мы проиграли со счетом 12:1.

Глава 6

Вечером того же дня мы веселились в нашей казарме. Увольнительных с базы не предполагалось: не в первый месяц. Ни увольнительных, ни выходных. Даже, собственно, и выпить на базе было негде. Разве только в столовой – обогащенный витаминами сок, в котором вряд ли оставалось хоть что-то от настоящих фруктов.

Так что мы веселились прямо в казарме, под шум телевизора, вещающего со стены обо всем, что творится в мире. Повод был, и неплохой. Сержант сказал, что достать даже одного из выпускного взвода редко кому удастся, так что он видит в нас потенциал.

Ну, а раз сержант видел в нас потенциал, то мы видели его тем более.

Наш неформальный лидер, представившийся как Костя, предложил выпить по чуть-чуть. Как ни удивительно, но по чуть-чуть мы нашли. Пол-литра на весь взвод – это совсем немного. Поэтому кто-то нашел сифон с газировкой, мы тщательно перемешали газированную воду с водкой и надеялись, что хотя бы слегка захмелеем. Слабая надежда, конечно. На это мог надеяться только я, и то только потому, что до сей поры практически никогда еще не пил. Так, пару раз пригубил шампанское с родителями на Новый год, вот и все.

На что рассчитывали остальные, оставалось не совсем понятным, хотя, надо полагать, все просто хотели соблюсти ритуал, пообщаться, нежели действительно напиться. Последние версии кровавых пловцов выводили из крови все вредные вещества. Включая и алкоголь. Что делало наши шансы хоть чуть-чуть почувствовать хмель совсем призрачными.

Совершенно неожиданно я почувствовал себя среди этих людей, которых видел сегодня впервые в жизни и с которыми, скорее всего, я расстанусь через две недели насовсем, почти как дома. Может, конечно, мы будем еще окликать друг друга на плацу, когда наши новые, другие взводы будут вскоре пробежать друг мимо друга. Или поднимем руки в молчаливом приветствии, если сержант окажется слишком близко и не даст даже выкрикнуть приветствия.

Но единение с этими незнакомцами все же было. Наверное, это то, чего многие ждут от службы в армии, но что очень редко приходит на деле. Некое чувство общности, единой цели, какой бы она ни была.

Нам никто еще не сказал о цели. И ладно. Мне достаточно было самого чувства, которое при этом возникало. Цель становилась второстепенной.

Я не встречал. Да и не слушал почти. Что-то говорил телевизор, но в основном его заглушали байки моих новых соседей. Я лишь полулежал на кровати, заложив руки за голову, и впитывал в себя это редкое чувство, которое возникло у меня этим вечером.

Может, и не у меня одного. Хотя это тоже казалось мне не слишком важным. Даже если эту общность чувствовал лишь я один. Общность, чувство безопасности оттого, что рядом был кто-то, кто сможет тебя прикрыть.

Не как на улицах. Не как в городе. Не так, как в реальной жизни.

«...Тактический ядерный заряд, взорванный в центре Кейптауна, полностью нарушил работу государственных органов и поставил под вопрос существование Южно-Африканской республики как единого государства... Поиски находившегося в тот момент в городе президента страны продолжаются, но мало кто надеется на их успех...» Старо как мир. Кого нынче удивишь новостью про бомбу. «...Напоминаем, что это уже третий ядерный заряд, взорванный террористами только в этом году. Многие считают, что процесс производства и распространения ядерного оружия среди группировок самого различного толка стал полностью бесконтрольным». Конечно, стал. А зачем было изобретать? Мало было больших ракет? Понадобились еще и маленькие чемоданчики для морской пехоты? Чтобы решать «тактические задачи в сложной оперативной обстановке»? Ну вот, теперь их и решают все, кому не лень. Или кто-

то надеялся удержать джинна в бутылке? Да скоро в подворотне будут тактикой торговать. Там же, где мне «грача» под «викинга» впарили.

– А я ему говорю, кольни мне что-нибудь, чтобы прыщей на спине не было. – Тот, кто открывал сегодня дверь. Вроде как Сергей, хотя я еще не все имена успел запомнить. Сейчас шла его байка. Не телевизор же слушать в такой хороший вечер. – А он отвечает: «Только разве что «Броня-7». При всплеске гормонов наноботы приливают вместе с кровью к подкожным капиллярам и образуют броню, по твердости не уступающую кевлару. В состоянии покоя рассасываются в крови, не сковывая движений» То есть этот очкарик мне втюхивает эту фигню как новейшее средство от прыщей, понятно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.